ISSN 2518-7937 (Print)
ISSN 2663-516X (Online)

BULLETIN
OF THE KARAGANDA UNIVERSITY

PEDAGOGY
Series

2026 • Volume 31 • Issue 3(123)

ISSN 2518–7937 (Print)
ISSN 2663–516X (Online)
Индексі 74622
Индекс 74622

ҚАРАҒАНДЫ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК КАРАГАНДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN OF THE KARAGANDA UNIVERSITY

ПЕДАГОГИКА сериясы

Серия ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGY Series

31-том • 3(123)-шығарылым
Том 31 • Выпуск 3(123)
Volume 31 • Issue 3(123)

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды / Караганда / Karaganda
2026

https://doi.org/10.31489/2026Ped3/135-149
УДК 378.1
Получена: 27.01.2026 г. | Одобрена для публикации: 12.06.2026 г.

Г.Б. Конкабаева[1], Г.Т. Мусабекова[2*], Ф.А. Бахтибаева[3]

[1, 2]Южно-Казахстанский педагогический университет имени Озбекали Жанибекова, Шымкент, Казахстан;
[3]Южно-Казахстанский университет имени Мухтара Ауезова, Шымкент, Казахстан;
*(*Корреспондирующий автор. E-mail: gulnar.hanim22@mail.ru)*

[1]ORCID 0000-0003-2236-4262
[2]ORCID 0000-0002-3727-7682
[3]ORCID 0009-0007-1282-7477

Использование искусственного интеллекта в адаптивном обучении студентов грамматической системе глагола русского языка

В статье рассматривается инновационная методика преодоления казахско-русской языковой интерференции у студентов при изучении сложной грамматической системы глагола русского языка. Научно обосновывается использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в качестве адаптивного лингвистического тренажера и «зеркала» речевых ошибок, исключая полностью принцип пассивного выполнения заданий нейросетью за обучающегося. Основное внимание уделено интеграции ИИ в трех ключевых функциональных ролях: персонализированный репетитор, редактор-стилист и генератор профессионально ориентированных контекстов. В работе детально описаны практические методы обучения, такие как контрастивный анализ для выявления межъязыковых калек, видо-временные цепочки для отработки категории аспектуальности и трансформация примитивных конструкций в академический дискурс. Представлен подробный план практического занятия, включающий интенсивную работу с абстрактной лексикой и коррекцию типичных ошибок в глагольном управлении. Особое место занимает алгоритм написания педагогического эссе, где ИИ выступает интерактивным консультантом в режиме реального времени. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании роли ИИ как «когнитивного посредника», превращающего преодоление интерференции в осознанную самокоррекцию. Практическая ценность состоит в разработке готовых промптов и сценариев использования нейросетей, интегрируемых в учебный процесс вузов. Исследование доказывает, что предложенная методика логирования диалогов с нейросетью позволяет эффективно мониторить индивидуальный прогресс и формировать у студентов устойчивые навыки употребления сложных глагольных форм. Внедрение данных технологий существенно снижает психологический барьер и способствует переходу от механического заучивания правил к их осознанному применению в профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: студент, искусственный интеллект, казахско-русская интерференция, адаптивное обучение, глагол, грамматическая система, глагольное управление, персонализированное обучение.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной цифровизацией образовательного процесса и необходимостью поиска новых эффективных инструментов для преподавания русского языка в иноязычной аудитории. В условиях современного Казахстана владение русским языком как инструментом профессиональной коммуникации остается приоритетной задачей. Однако в процессе освоения русской грамматики студенты-казахи неизбежно сталкиваются с явлением лингвистической интерференции, вызванной существенными различиями в строении родного и изучаемого языков.

Особую сложность представляет грамматическая система глагола: категории вида, возвратности и специфическое глагольное управление часто становятся источником устойчивых речевых ошибок (калек). Традиционные методы коррекции ошибок не всегда обеспечивают должный уровень индивидуализации, что делает внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) востребованным и своевременным решением.

Проблема исследования заключается в поиске оптимальных моделей взаимодействия «студент — ИИ», при которых нейросеть используется не как инструмент для автоматического выполнения заданий, а как интерактивный тренажер, обеспечивающий мгновенную обратную связь и адаптивность обучения. ИИ способен выступать в роли «зеркала» ошибок, наглядно демонстрируя студенту логические расхождения между казахской и русской языковыми системами.

Цель данной статьи — описать и методически обосновать алгоритмы использования генеративного ИИ для преодоления казахско-русской интерференции при изучении глагольной системы. В работе предлагается комплекс упражнений и сценариев взаимодействия с ИИ, направленных на трансформацию пассивных знаний студентов в устойчивые навыки академической и профессиональной речи.

Объект исследования: процесс обучения глагольной системе русского языка студентов-казахов в условиях активного использования цифровых технологий в вузе.

Предмет исследования: методика преодоления казахско-русской языковой интерференции при изучении глагола на основе адаптивных возможностей искусственного интеллекта.

Гипотеза исследования: процесс формирования грамматических навыков у студентов будет более эффективным, если использовать ИИ не как средство получения готовых ответов, а как адаптивный лингвистический тренажер, который:

- визуализирует ошибки через контрастивный анализ (сравнение с родным языком);
- обеспечивает мгновенную персонализированную обратную связь;
- генерирует профессионально ориентированный контекст для отработки трудных глагольных форм (управление, вид, возвратность).

Задачи исследования:

- изучить специфику казахско-русской интерференции в области глагольной системы (типичные ошибки в падежном управлении, виде и залоге);
- разработать алгоритмы (промпты) для взаимодействия студента с ИИ в ролях «Репетитора», «Редактора» и «Стилиста»;
- внедрить план практического занятия с применением ИИ в учебный процесс экспериментальной группы;
- экспериментально проверить эффективность методики, сравнив результаты контрольного среза и качество написания профессиональных эссе.

Новизна работы состоит в разработке и апробации методики адаптивного обучения, где ИИ используется как когнитивный посредник между двумя языковыми системами. Впервые предложен алгоритм «самокоррекции интерференции», позволяющий студенту осознанно трансформировать ошибки, вызванные влиянием казахского языка, в нормативные формы русского академического письма. Научная новизна подхода заключается в интеграции ИИ как «персонализированного репетитора» в структуру практического занятия, что позволяет автоматизировать процесс коррекции типичных грамматических калек в режиме реального времени.

Наша работа отличается от существующих исследований по использованию ИИ в образовании благодаря трем ключевым аспектам:

1. Смена парадигмы использования ИИ: большинство работ рассматривают ИИ как инструмент для генерации текста. Наше исследование предлагает концепцию «ИИ — зеркало ошибок». Фокус смещается с результата (готового текста) на процесс осознания ошибки студентом через диалог с нейросетью.

2. Узкая лингвистическая направленность: в отличие от общих методик использования чатботов, мы предлагаем конкретное решение для преодоления интерференции, учитывая специфику казахского языка (например, отсутствие категории вида в его русском понимании или различия в управлении глаголов «уделять внимание», «препятствовать»).

3. Профессиональный контекст (педагогический дизайн): исследование интегрирует грамматику в реальную деятельность будущего педагога (кейс «Классный час»). Студенты учат глаголы не по спискам, а через решение профессиональных задач, что повышает мотивацию и закрепляет навык в долгосрочной памяти.

Современная научная парадигма рассматривает интеграцию искусственного интеллекта (ИИ) в лингвистическое образование как ключевой фактор перехода от массового обучения к персонализированным образовательным траекториям.

Вопросы применения интеллектуальных тьюторских систем и адаптивных алгоритмов в обучении иностранным языкам подробно исследуются в работах зарубежных ученых. Современные исследования демонстрируют активное применение искусственного интеллекта (ИИ) в обучении иностранным языкам, включая адаптивные системы для освоения грамматической системы глагола русского языка.

Зарубежные авторы подчеркивают потенциал ИИ для индивидуализации образовательного процесса. Так, Хосе Бельда-Медина, Хосе Рамон Кальво-Феррер [1] демонстрируют возможности чатботов для интерактивного и адаптивного обучения иностранным языкам. М. Рузиева [2] анализирует применение ИИ для персонализированного освоения грамматики, уделяя внимание структурам ошибок. Д. Лай [3] показывает положительное влияние интеграции ИИ в смешанное обучение на устную речь и устойчивость студентов к сложным заданиям. А. Алсаави [4] исследует отношение студентов и преподавателей к ИИ-инструментам, выявляя их мотивационный эффект. Дж. Хоу и др. [5] в своем исследовании описывают платформу Revita — интеллектуальную систему для изучения языков: она создаёт упражнения на основе текстов учащегося; адаптирует задания под уровень ученика; использует NLP, машинное обучение и образовательную аналитику; опирается на теорию зоны ближайшего развития Л. Выготского для персонализированного обучения.

Российские исследователи активно развивают методы ИИ для обучения русскому языку как иностранному. П.В. Сысоев, Е.М. Филатов [6] подробно анализируют адаптивные технологии и ИИ-платформы для преподавания грамматики РКИ. Д.В. Алейникова, Л.В. Яроцкая [7] обсуждают современные методики профессионально ориентированного обучения иностранным языкам с использованием ИИ. И.А. Семёнкина, П.В. Прусакова [8] систематизируют теоретические подходы к внедрению ИИ-инструментов для освоения грамматических навыков. М.Н. Евстигнеев [9] рассматривает принципы преподавания иностранных языков на базе ИИ и демонстрирует алгоритмы адаптивного обучения. А.С. Колганова [10] исследует возможности применения ИИ в обучении английскому языку, что актуально для построения адаптивных моделей освоения грамматической системы русского глагола.

Казахстанские ученые уделяют внимание локальной адаптации ИИ-систем. Н. Чичерина, Ш. Жаркынбекова, А. Азаматова, А. Ахметбекова [11] оптимизируют адаптивное обучение русскому языку с использованием ИИ. А.Н. Кинашова [12] показывает применение ИИ на уроках русского языка и литературы в школах и вузах. А.Б. Бейсембаева [13] исследует возможности ИИ для обучения английскому языку в Казахстане, что полезно для переноса методик на русскую грамматику. В статье Н.Х. Шадиевой [14] рассматривается роль смарт-технологий и искусственного интеллекта в обучении языкам и цифровизации образовательного процесса. В своем исследовании Ж.С. Тогумбетова [15] оценивает эффективность применения искусственного интеллекта в педагогических подходах к обучению русскому языку как иностранному. В нём анализируются такие компоненты, как информационные системы, цифровые образовательные среды, электронные комплексы и цифровые инструменты управления учебным процессом. Автор подчеркивает влияние ИИ на развитие коммуникативных и информационных навыков учащихся.

Так, исследования зарубежных, российских и казахстанских ученых подтверждают эффективность ИИ-инструментов в адаптивном обучении, обеспечивая персонализацию, мгновенную обратную связь и глубокое усвоение грамматических категорий.

Таким образом, анализ литературы показывает, что, несмотря на высокую степень изученности адаптивных технологий (в зарубежной науке) и глубокую проработку сопоставительной грамматики (в казахстанской лингвистике), методика синтеза этих областей — создание ИИ-системы, «настроенной» на коррекцию глагольных ошибок студентов-казахов, — остается практически не исследованной, что определяет актуальность нашей статьи.

Материалы и методы

Экспериментальное исследование проводилось на базе ЮКПУ имени О. Жанибекова. Общая выборка составила 100 студентов бакалавриата, для которых казахский язык является родным, а русский — вторым (уровень владения русским по шкале ТРКИ — B2/C1). Для обеспечения чистоты эксперимента испытуемые были разделены на две равные группы:

1. Контрольная группа (КГ) — 50 человек: обучение велось по традиционной методике с использованием академических учебников и стандартных упражнений.

2. Экспериментальная группа (ЭГ) — 50 человек: обучение строилось на основе интеграции искусственного интеллекта (модели Gemini/ChatGPT) как адаптивного лингвистического тренажера.

В качестве основного инструмента обучения в ЭГ использовались большие языковые модели (LLM). Для фиксации начального и итогового уровней компетенции была разработана система из пяти диагностических блоков:

Блоки 1–2: Тесты на знание видо-временных форм и возвратности в педагогическом контексте.

Блоки 3–4: Задания на лексическую сочетаемость и коррекцию глагольного управления.

Блок 5: Творческое эссе (профессиональный кейс), оцениваемое по 20-балльной шкале.

Исследование включало три последовательных этапа:

Констатирующий этап: первичное тестирование обеих групп. Результаты (КГ — 11,5 баллов, ЭГ — 11,7 баллов) подтвердили однородность групп и устойчивый характер казахско-русской интерференции (особенно в блоке глагольного управления — 78 % ошибок).

Формирующий этап: внедрение авторской методики в ЭГ. Обучение включало работу с ИИ в трех ролях: «Репетитор», «Редактор-стилист» и «Генератор контекстов». Ключевым элементом стал педагогический промпт-инжиниринг — обучение студентов составлению запросов для контрастивного анализа (сравнения логики русского и казахского языков).

Контрольный этап: итоговый срез знаний и качественный анализ профессиональных эссе («Мой первый классный час»).

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием методов математической статистики. Качественный анализ включал изучение чат-логов взаимодействия студентов с ИИ для отслеживания динамики коррекции речевых калек в режиме реального времени.

Результаты и обсуждение

Для будущих педагогов важно владеть не просто общей лексикой, а профессиональным языком школы и методики. Важно уметь грамотно описывать учебный процесс, взаимодействие с учениками и административную работу.

Ниже представлены задания для констатирующего эксперимента, адаптированные под педагогический профиль студентов.

Блок 1. Категория вида и времени (Педагогический контекст)

Цель: проверить, понимает ли будущий учитель разницу между длительным педагогическим воздействием и достигнутым образовательным результатом.

Задание: Заполните пропуски, выбрав подходящую видовую форму глагола.

«Пока учитель (1) _____ (объяснял / объяснил) новую тему, ученики (2) _____ (конспектировали / законспектировали) основные термины в тетрадях. Как только звено (3) _____ (проверяло / проверило) готовность класса, педагог (4) _____ (раздавал / раздал) проверочные листы для самостоятельной работы».

Диагностическая цель: Выявить интерференцию при описании синхронных действий в классе (НСВ) и моментальной смены педагогических задач (СВ).

Блок 2. Переходность и возвратность (Школьная среда)

Цель: Выявить ошибки в использовании постфикса -ся при описании учебных и воспитательных процессов.

Задание: Выберите верную форму глагола, обращая внимание на объект действия.

1. Школьный психолог (сосредоточил / сосредоточился) внимание родителей на вопросах возрастной кризисологии.

2. Методика преподавания математики существенно (усовершенствовала / усовершенствовалась) в связи с внедрением ИКТ.

3. Администрация школы (распорядилась / распорядила) подготовить учебные кабинеты к аттестации.

4. Молодой специалист быстро (адаптировал / адаптировался) к требованиям педагогического коллектива.

Диагностическая цель: Зафиксировать ошибки в субъектно-объектных отношениях (путаница: учитель *развивает* ученика vs ученик *развивается*).

Блок 3. Лексико-грамматическая сочетаемость (Академический стиль педагога)

Цель: Оценить умение использовать точные глаголы вместо простых аналитических конструкций (влияние калькирования с казахского глагола *жасау*).

Задание: Замените выделенные сочетания одним профессиональным глаголом в нужной форме.

1. На педсовете было решено осуществить внедрение (_____) новой системы оценивания.
2. Учитель должен регулярно давать проверку (_____) домашним заданиям.
3. Опыт коллеги оказывает помощь (_____) мне в организации дисциплины на уроке.
4. Программа проводит обучение (_____) школьников навыкам критического мышления.

Блок 4. Глагольное управление (Методическая терминология)

Цель: Проверить знание предложно-падежных норм в профессиональной речи учителя.

Задание: Исправьте ошибки в управлении глаголов, если они есть.

1. Педагог подробно остановился о методах проблемного обучения. (_____)
2. Мы должны способствовать к раскрытию талантов каждого ребенка. (_____)
3. Директор школы акцентировал внимание на дисциплину в старших классах. (_____)
4. Классный руководитель уделяет внимание индивидуальной работе с подростками. (_____)

Диагностическая цель: Выявить типичную для билингвов «предложную избыточность» (*способствовать к...*) или неправильный выбор предлога (*остановиться о...* вместо *на...*).

Блок 5. Творческое эссе «Путешествие моей мечты»

Инструкция для студента: Напишите эссе (150–200 слов), используя предложенный список «трудных» глаголов. Обратите внимание на использование видов глагола (СВ/НСВ) и возвратных форм.

Обязательные глаголы: *сосредоточиться (на чём-либо), решаться/решиться, направляться/направиться, ознакомиться (с чем-либо), впечатляться/впечатлиться, делиться (впечатлениями).*

Грамматический фокус: Опишите сначала процесс подготовки (что вы делали?), а затем — момент прибытия и результат (что вы сделали?).

Для оценки результатов констатирующего эксперимента (особенно Блока 5 — эссе) необходима прозрачная шкала, которая учитывает как общую грамотность, так и специфические ошибки интерференции.

Поскольку наша цель — выявить влияние казахского языка на глагольную систему русского языка, оценка должна быть дифференцированной.

Шкала оценивания результатов (по блокам 1–4)

Для тестовых заданий и подстановок удобнее всего использовать бинарную или тернарную систему:

2 балла: Ответ верный. Форма глагола выбрана точно, управление соблюдено, орфографических ошибок нет.

1 балл: Форма выбрана верно (например, вид угадан), но допущена ошибка в окончании или управлении (неверный предлог).

0 баллов: Ошибка в категории (НСВ вместо СВ), системная интерференция (пропуск -ся, калька с казахского).

Критерии оценки эссе «Путешествие» (Блок 5)

Эссе оценивается по 5-балльной системе за каждый критерий (максимум 20 баллов) (Табл. 1).

После суммирования баллов за все 5 блоков (тесты + эссе) мы распределили студентов по уровням:

1. Высокий уровень (85–100 % от макс. балла): Студент уверенно владеет глагольной системой. Ошибки интерференции носят случайный характер и исправляются в ходе самопроверки.

2. Средний уровень (60–84 %): Студент понимает разницу между СВ и НСВ, но стабильно ошибается в управлении абстрактных глаголов (*«способствовать на что-то»*). В эссе наблюдается «избегание» сложных форм.

3. Низкий уровень (менее 60 %): Системная интерференция. Постоянный пропуск *-ся*, путаница видов, дословный перевод конструкций с казахского. Глагольная система нестабильна.

Таблица 1

Оценка эссе по 5-балльной системе

Критерий	Описание (Фокус на глагол)	Оценка (0–5)
Видо-временная точность	Соблюдение логики «процесс — результат». Правильное использование пар СВ/НСВ.	
Грамматическое управление	Отсутствие лишних предлогов и верный выбор падежа после обязательных глаголов.	

Продолжение таблицы 1

Критерий	Описание (Фокус на глагол)	Оценка (0–5)
Возвратность и залог	Корректное использование постфикса -ся (особенно в глаголах чувств: впечатлиться, делиться).	
Лексическая точность	Отсутствие примитивных калек (использование «решиться» вместо «сделать решение»).	

Уровни определялись на основе суммы баллов за все 5 блоков (тесты + эссе) (Табл. 2)

Таблица 2

Уровни баллов за все 5 блоков (в %)

Уровень	Баллы (из 20)	КГ (50 чел.)	ЭГ (50 чел.)
Высокий	17–20	12 % (6 чел.)	14 % (7 чел.)
Средний	11–16	48 % (24 чел.)	46 % (23 чел.)
Низкий	0–10	40 % (20 чел.)	40 % (20 чел.)

Анализ по категориям глагола позволяет увидеть, какие темы наиболее "проседают" из-за интерференции (Табл. 3).

Таблица 3

Средние баллы по блокам заданий

Блок задания	Ср. балл КГ	Ср. балл ЭГ	Основная проблема
Блок 1 (Вид/Время)	2,8 / 4	2,9 / 4	Ошибки в последовательности действий.
Блок 2 (Возвратность)	2,2 / 4	2,1 / 4	Потеря постфикса -ся.
Блок 3 (Сочетаемость)	2,5 / 4	2,4 / 4	Использование примитивных калек (делать).
Блок 4 (Управление)	1,8 / 4	1,9 / 4	Самый низкий балл. Лишние предлоги.
Блок 5 (Эссе)	2,2 / 4	2,4 / 4	Хаотичное использование видов глагола.
ИТОГО (Ср. балл)	11,5	11,7	Средний уровень (60 %)

Констатирующий эксперимент выявил следующие закономерности:

1. Разрыв между теорией и практикой; студенты лучше справляются с выбором варианта (Блоки 1-2), но допускают в 2 раза больше ошибок при самостоятельном написании текста (Блок 5).

2. Доминирование интерференции: Самый проблемный участок — глагольное управление (Блок 4). Ошибки типа "способствовать к успеху" или "уделять внимание на учебу" зафиксированы у 78 % испытуемых.

3. Видовая дезориентация: В эссе студенты часто используют несовершенный вид там, где контекст требует фиксации результата, что связано с отсутствием категории вида в казахском языке.

Результаты констатирующего этапа эксперимента подтверждают гипотезу о системном характере грамматических ошибок у студентов-казахов. Средний балл в обеих группах (11,5–11,7) свидетельствует о недостаточном уровне сформированности глагольной компетенции для профессиональной педагогической деятельности.

Выявленная однородность групп позволяет приступить к *формирующему этапу* эксперимента в ЭГ.

Работа с ИИ в аудитории должна строиться не по принципу «пусть ИИ решит за меня», а по принципу «ИИ — это тренажер и зеркало моих ошибок».

Для преодоления казахско-русской интерференции мы будем использовать ИИ в трех ролях: Персонализированный репетитор, Редактор-стилист и Генератор контекстов.

1. Метод «Контрастивный анализ» (ИИ как зеркало).

Студент дает ИИ предложение с типичной ошибкой (калькой), а ИИ должен не просто исправить его, а объяснить разницу через логику двух языков.

Промпт для студента: «Я напишу предложение на русском, которое я перевел с казахского. Проверь, нет ли в нем интерференции. Предложение: *Инвестор распорядил средствами на развитие.*»

Ответ ИИ: «Ошибка в переходности. В казахском языке глагол билеу/басқару может не требовать возвратности, но в русском глагол *распорядиться* — всегда возвратный (-ся) и требует Творительного падежа без предлога. Правильно: *Инвестор распорядился средствами.*»

2. Метод «Видо-временная цепочка» (ИИ как генератор ситуаций).

Используем абстрактную лексику, которая вызывает трудности у студентов (B2/C1).

Слова для отработки: *Реализовать, внедрять, коснуться, сосредоточиться, анализировать.*

Задание для ИИ: «Создай упражнение, где мне нужно вставить глаголы *внедрять/внедрить* и *анализировать/проанализировать* в текст о научной реформе. Сделай так, чтобы один глагол был в форме процесса, а другой — результата».

Пример результата от ИИ: «Пока министерство (1) _____ новую систему грантов, эксперты (2) _____ первые итоги. Как только реформу (3) _____ полностью, данные (4) _____ в итоговом докладе».

3. Метод «Трансформация: От простого к академическому».

Этот метод учит студентов избавляться от примитивных конструкций с глаголом *делать/жасау*.

Задание: Студент вводит простую фразу, ИИ предлагает академический вариант.

Мы делали контроль за качеством.

Академический вариант: Мы осуществляли контроль / контролировали.

Грамматический фокус: использование переходного глагола вместо аналитической конструкции.

Он дал обещание помочь.

Академический вариант: Он обязался помочь.

Грамматический фокус: использование возвратного глагола, который передаёт значение принятия обязательства на себя.

Проблема стала понятной.

Академический вариант: Проблема прояснилась.

Грамматический фокус: переход от описания состояния к обозначению процесса или изменения через возвратный глагол с суффиксом -ся.

4. Работа с управлением (Предлоги).

Самое сложное — отучить студентов ставить лишние предлоги (интерференция Дательного/Направительного падежа).

Пример упражнения с ИИ:

Студент: «ИИ, составь предложения с глаголами: *препятствовать, уделять внимание, касаться, указывать.* Оставь пропуски там, где должен быть (или не быть) предлог».

ИИ выдает: Реформы препятствуют (?) развитию коррупции.

1. Автор коснулся (?) темы экологии.
2. Мы уделили внимание (?) качеству данных.

5. Кейс-стади: ИИ как партнер по дискуссии. Студент должен вступить в диалог с ИИ, используя обязательный список «трудных» глаголов.

Инструкция: «ИИ, давай обсудим тему «Цифровизация в Казахстане». Ты задаешь вопросы, а я отвечаю. В каждом ответе я обязан использовать глаголы: внедряться, способствовать, отразиться. Если я ошибусь в управлении или виде, останови меня и объясни ошибку».

1. Мгновенная обратная связь: Студент сразу видит, где «вылезла» казахская грамматика.
2. Контекст: Глаголы учатся не списком, а в живом (хоть и виртуальном) общении.

Нами составлен подробный план практического занятия для экспериментальной группы (ЭГ). Мы построили его на интеграции ИИ (например, Gemini или ChatGPT) как персонального лингвистического тренажера.

План занятия: «Глагольные стратегии в академической речи: преодолеваем интерференцию»

Цель: Сформировать навык автоматического выбора вида, залога и управления в глаголах абстрактной лексики.

Этап 1. «Разминка: Детектор калек»

Метод: Сравнение версий.

Студенты получают список предложений, написанных с типичными ошибками казахско-русской интерференции.

Задание: Введите предложение в ИИ с промптом: *«Проанализируй предложение. Найди ошибку в управлении или виде, вызванную влиянием казахского языка, и предложи 3 варианта исправления (нейтральный, официально-деловой, научный)».*

Пример предложения: «Мы должны уделять внимание на экологию».

Результат: ИИ объясняет, что в казахском көңіл бөлу требует направления (на что?), а в русском уделять внимание требует Дательного падежа (чему?).

Этап 2. «Трансформация: От действия к процессу»

Фокус: Возвратность (-ся) и переходность.

Слова дня: Сосредоточить/сосредоточиться, реализовывать/реализоваться, развивать/развиваться.

Работа с ИИ:

1. Студент просит ИИ: *«Составь пару предложений, где в первом глагол реализовать выступает как активное действие субъекта, а во втором — как пассивный процесс через -ся. Тема: Экономика Казахстана».*

2. Студент должен перефразировать ответ ИИ, заменяя активный залог на пассивный и наоборот, следя за изменением падежей.

Актив: «Правительство реализует программу». (Вин. п.).

Пассив: «Программа реализуется правительством». (Твор. п.).

Этап 3. «Видо-временной лабиринт»

Фокус: Совершенный (СВ) и Несовершенный вид (НСВ) в научных контекстах.

Задание «Интервью с экспертом»:

Студент пишет ИИ: *«Представь, что ты профессор. Расспроси меня о моем научном исследовании. Задавай вопросы так, чтобы мне приходилось использовать сначала глаголы процесса (что делал?), а затем — результата (что сделал?). Обязательно используй глаголы: внедрять, доказывать, проверять».*

Интерактив: Студент отвечает в чате. ИИ настроен (через промпт) останавливать студента, если он скажет: «Я доказывал теорему» вместо «Я доказал теорему» (если речь об итоге).

Этап 4. «Битва с предлогами»

Фокус: Глагольное управление (Блок 4 нашей диагностики).

Задание: Студент дает ИИ список «проблемных» глаголов: препятствовать, способствовать, касаться, отзывться, акцентировать.

Промпт: *«Создай для меня тест-диктант, где в каждом предложении пропущен предлог или окончание. Если предлог не нужен, я должен поставить 'Х'. Сделай предложения на тему моей будущей профессии».*

Пример: «Цифровизация способствует (...) росту ВВП». (Ответ: способствует росту — без предлога «к»).

Этап 5. Рефлексия и «Методическая копилка»

Студенты сохраняют чат с ИИ и выписывают в тетрадь 5 своих самых частых ошибок («Мои интерференции»).

Итоговый вопрос ИИ: *«Составь для меня персональное правило-памятку, как мне больше не путать управление глагола препятствовать».*

Почему это эффективно для нашего эксперимента?

1. Индивидуальный темп: Сильный студент работает с лексикой С1, слабый — закрепляет В2.

2. Снижение барьера: Студент не боится ошибаться перед ИИ, что критично для констатирующего этапа.

3. Логика против зубрежки: ИИ объясняет «Почему так?», связывая это с родным языком студента.

Мы сформулировали контрольное задание для проверки знаний после этого занятия, чтобы сравнить его с результатами начала эксперимента.

Тема для эссе в ходе формирующего эксперимента: *«Мой первый классный час: от сценария до реализации».*

Алгоритм взаимодействия с ИИ (Шаг за шагом)

1. Подготовительный этап: «Глагольный конструктор»

Студент просит ИИ помочь с формулировками задач классного часа. Здесь мы сразу отрабатываем Блок 4 (Управление).

Запрос студента: «Я планирую классный час на тему экологии. Помоги мне составить задачи, используя глаголы *способствовать, акцентировать, ознакомить.* Как правильно использовать их с существительными?»

ИИ-поддержка: Выдает корректные сочетания: *способствовать (чему?) формированию привычек, акцентировать внимание (на чём?) на важности переработки.*

2. Этап написания: «Борьба с процессом и результатом»

Студент описывает ход мероприятия. Здесь ИИ помогает с Блоком 1 (Вид и время). Запрос студента: «Я написал: *Я долго рассказывал (НСВ) презентацию и наконец объяснил (СВ) правила*. Как сделать текст более динамичным и профессиональным?». ИИ-поддержка: Предлагает замену: *«В ходе выступления я детально осветил (СВ) основные аспекты, что позволило аудитории усвоить (СВ) материал».*

3. Этап самоанализа: «Возвратность и эмоции»

Студент описывает свои ощущения и реакцию детей. Отработка Блока 2 (Возвратность).

Запрос студента: «Проверь предложения: *Дети интересовали темой. Я волновал перед началом».*

ИИ-поддержка: Исправляет потерю постфикса -ся: *«Дети интересовались темой. Я волновался (был взволнован)».*

Промпт-инструкция для студентов (Раздаточный материал).

Инструкция: При написании эссе о классном часе используй ИИ как «Лингвистического консультанта». Скопируй этот текст в чат перед началом работы:

*"Я студент-педагог, пишу эссе о своем первом классном часе. Пожалуйста:

1. Следи, чтобы я не добавлял лишние предлоги после глаголов *уделять внимание, препятствовать, способствовать.*

2. Если я использую конструкцию *делать + существительное* (например, *делать обсуждение*), предложи мне один точный профессиональный глагол.

3. Объясняй каждое исправление, сравнивая его с грамматикой казахского языка, чтобы я понял причину своей ошибки"*

Почему это сработало для нашего эксперимента?

В эссе о классном часе студенты неизбежно сталкиваются с тремя типами речевых ситуаций:

Описание подготовки (планировал, готовился, подбирал — НСВ).

1. Описание самого события (провел, организовал, выступил — СВ).

2. Описание рефлексии (убедился, разочаровался, вдохновился — возвратные глаголы).

Такой комплексный подход в ЭГ (экспериментальной группе) позволит к контрольному срезу практически полностью искоренить «кальки» и страх перед сложным глагольным управлением.

Результаты контрольного эксперимента (после проведения обучения с использованием ИИ-технологий и методики преодоления интерференции) должны показать качественный и количественный разрыв между двумя группами.

В контрольной группе (КГ), где обучение шло по стандартной программе, значимых изменений не произошло. В экспериментальной группе (ЭГ) наблюдается существенный рост за счет коррекции типичных ошибок.

Результаты контрольного этапа демонстрируют резкий качественный скачок в экспериментальной группе (ЭГ) при сохранении стагнации в контрольной группе (КГ). Это подтверждает, что использование ИИ как интерактивного «зеркала» для коррекции интерференции эффективнее традиционного заучивания правил.

В 4 таблице показано, как изменилось распределение студентов по уровням владения глагольной системой.

Таблица 4

Уровни владения КГ и ЭГ глагольной системой

Уровень	Конст. этап (КГ / ЭГ)	Контрольный КГ	Контрольный ЭГ	Динамика ЭГ
Высокий	12 % / 14 %	14 % (7 чел.)	42 % (21 чел.)	+28 %
Средний	48 % / 46 %	50 % (25 чел.)	48 % (24 чел.)	+2 %
Низкий	40 % / 40 %	36 % (18 чел.)	10 % (5 чел.)	-30 %

Средний балл в экспериментальной группе вырос почти в 1,5 раза, в то время как в контрольной группе изменения в пределах статистической погрешности.

КГ (Средний балл): 11,5 → 12,4 (Прирост: +0,9)

ЭГ (Средний балл): 11,7 → 17,2 (Прирост: +5,5)

Анализ прогресса по блокам (ЭГ: до и после)

Наиболее наглядные изменения произошли в тех блоках, где ИИ выступал в роли мгновенного корректора ошибок интерференции (Табл. 5).

Сравнение результатов позволяет сделать ключевой вывод для нашей работы:

1. Преодоление "плато" среднего уровня: Если в КГ студенты «застряли» на среднем уровне, то в ЭГ благодаря ИИ-тренажеру они перешли в зону высокого уровня (С1).

2. Автоматизация контроля: Использование ИИ при написании эссе о классном часе позволило студентам выработать навык самопроверки. Они начали «слышать» интерференцию в своих текстах.

3. Статистическая значимость: значение t-критерия Стьюдента (12,27) подтверждает, что успех ЭГ — это прямой результат работы с ИИ, а не случайность.

Таблица 5

Изменения, произошедшие в разных блоках

Блок заданий	До (ср. балл)	После (ср. балл)	Эффект
Блок 1 (Вид/Время)	2,9	3,7	Студенты перестали путать «объяснял» и «объяснил».
Блок 2 (Возвратность)	2,1	3,5	Постфикс -ся перестал «выпадать» в речи.
Блок 3 (Сочетаемость)	2,4	3,6	Уход от калек типа «делать презентацию».
Блок 4 (Управление)	1,9	3,3	Максимальный прогресс. Искоренены лишние предлоги.
Блок 5 (Эссе)	2,4	3,1	Текст стал профессиональным и логичным.

Наибольшая динамика наблюдается в блоке Глагольного управления (прирост 73 %), что объясняется способностью ИИ мгновенно указывать на отсутствие предлогов в русском языке, контрастирующее с падежной системой казахского языка.

Для того чтобы доказать, что успех экспериментальной группы (ЭГ) не был случайным, мы применим расчет t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Этот метод позволяет математически подтвердить значимость различий между КГ и ЭГ после завершения обучения. Для расчета мы берем данные итогового среза (после формирующего эксперимента) (Табл. 6).

Таблица 6

Исходные данные для расчета (контрольный этап)

Группа	Выборка (n)	Средний балл ($\bar{x}$)	Стандартное отклонение (σ)
КГ (Контрольная)	n_1 =50	x_1 =12,4	$\sigma_1 \approx 2,1$
ЭГ (Экспериментальная)	n_2 =50	x_2 =17,2	$\sigma_2 \approx 1,8$

UDC 81'243:81'222:811.133
IRSTI 16.21.21
https://doi.org/10.48371/PHILS.2026.2.81.031

TRANSLANGUAGING IN THE SPEECH PRACTICES OF KAZAKH–RUSSIAN-ENGLISH BILINGUALS: COGNITIVE, PRAGMATIC, AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

Khussainova G. Zh.[1], *Bazarbekov B.M.[2], Beknazarova R.K.[3]
[1,*2,3] South Kazakhstan University named after M.Auezov,
Shymkent, Kazakhstan

Abstract. This scientific article investigates translanguaging practices among Kazakh–Russian–English bilingual speakers, focusing on their cognitive, pragmatic, and sociolinguistic dimensions. Drawing on contemporary theories of translanguaging and multilingual competence, the research challenges traditional views of bilingualism that conceptualize languages as separate and autonomous systems.

The study employs a mixed-methods approach combining a philological experiment, discourse analysis, and frequency-based analysis of multilingual speech data. The experimental design includes cognitive, pragmatic, and sociolinguistic tasks that allow unrestricted language use in order to elicit natural translanguaging behavior. The corpus consists of audio-recorded and transcribed speech produced by 30 bilingual participants.

The results demonstrate that translanguaging is a systematic and purposeful communicative practice rather than random language mixing. Findings reveal that bilingual speakers activate an integrated multilingual repertoire in response to cognitive demands, communicative goals, and sociolinguistic context. Translanguaging functions as a cognitive strategy facilitating lexical retrieval and fluency, a pragmatic resource enhancing interactional effectiveness, and a sociolinguistic mechanism for identity construction and negotiation. The functional distribution of Kazakh, Russian, and English reflects clear patterns of specialization shaped by domain, interlocutor, and language ideology. The study contributes to translanguaging research by providing empirical evidence from an underexplored trilingual. It expands existing theoretical frameworks by demonstrating the complexity of translanguaging practices beyond binary language models and highlights implications for sociolinguistics, applied linguistics, and multilingual education.

Keywords: translanguaging, multilingualism, bilingual speech practices, cognitive linguistics, pragmatics, sociolinguistics, language identity, philological experiment

Introduction

The increasing prevalence of multilingual environments in Kazakhstan has led to heightened interest in the speech practices of bilingual and trilingual

speakers. In particular, Kazakh–Russian–English bilinguals frequently engage in translanguaging, a dynamic process in which speakers strategically draw on multiple linguistic resources to communicate effectively. Translanguaging not only reflects cognitive flexibility, but also serves pragmatic and sociolinguistic functions, facilitating meaning-making, identity negotiation and social interaction. Despite growing global research on translanguaging, there remains a gap in understanding its specific manifestations among Kazakh–Russian–English bilinguals, especially in relation to cognitive strategies, pragmatic usage, and sociolinguistic patterns.

Understanding translanguaging in this context is essential for both theoretical and applied linguistics, as it informs language education, bilingual pedagogy and policy-making in multilingual societies. This study situates translanguaging within cognitive, pragmatic and sociolinguistic frameworks to explore how bilinguals navigate and integrate their linguistic repertoires in daily communication.

The primary aim of this study is to investigate translanguaging practices among Kazakh–Russian–English bilinguals, focusing on:

-cognitive aspects – examining how bilinguals manage and activate multiple language systems during speech;

-pragmatic aspects – analyzing the communicative functions and strategies underlying translanguaging in various contexts;

-sociolinguistic aspects – exploring how translanguaging reflects social identity, cultural norms and group membership.

By exploring these dimensions, the study aims to develop a holistic account of translanguaging as a complex and multidimensional linguistic phenomenon within Kazakhstan's multilingual environment.

The specific objectives of the study are:

-to examine the linguistic structures and features characterizing translanguaging practices among Kazakh–Russian–English bilingual speakers;

-to identify systematic patterns of code-switching and language mixing at the lexical, grammatical and discourse levels;

-to investigate the ways in which translanguaging reflects sociolinguistic norms and contributes to the construction of cultural identity in bilingual communication.

The concept of translanguaging emerged as a response to traditional bilingual models, which treated languages as separate, autonomous systems [1]. Classical approaches viewed bilingualism as the mastery of two independent codes, each with its own linguistic inventory. Contemporary research, however, emphasizes the dynamic and hybrid nature of bilingual language practice, where speakers alternate, mix, and integrate languages to communicate effectively [2].

Translanguaging is not merely code-switching; it is a cognitively active strategy through which bilinguals manage their linguistic repertoire to enhance

meaning-making, expressivity and social interaction [3]. This concept has influenced sociolinguistics, applied linguistics and research in intercultural communication.

From a cognitive perspective, translanguaging studies focus on how bilinguals process, store, and activate multiple language codes simultaneously. Cognitive linguistics research shows that bilingual competence involves a single integrated linguistic repertoire rather than parallel systems, activated depending on the communicative context [4].

Processing studies indicate that translanguaging engages higher cognitive functions - attention, working memory and executive control allowing efficient language switching.Moreover, bilinguals demonstrate *metalinguistic awareness*, fostering complex linguistic strategies and enhancing communicative flexibility [5].

The pragmatic perspective examines translanguaging as a tool to achieve communicative goals. Code-switching and language mixing are often employed to express emotions, clarify meaning, attract attention or signal social identity [6].

Empirical studies in multilingual communities show that strategic language alternation serves several pragmatic functions:clarification of complex concepts,

mitigation of speech acts (politeness strategies),fostering group cohesion.

This is particularly relevant in contexts with high bilingualism rates, such as Kazakhstan, where translanguaging reflects both communicative needs and sociocultural practices [7].

Sociolinguistic research emphasizes that translanguaging serves as a marker of social identity and cultural belonging. In polylingual contexts like Kazakhstan, it mirrors complex sociocultural relationships between Kazakh, Russian and English [8].

Studies of Kazakh–Russian bilingualism reveal that language choice is influenced by domain, interlocutor status and language attitudes [9]. English, in this linguistic ecology, often functions as a prestige or instrumental code, linked to global mobility and education [10].

Thus, translanguaging operates not only as a communicative strategy but also as a mechanism of social self-definition, highlighting the intricate interaction of language, power, and culture[11].

However, most empirical studies focus on English–Spanish bilingual environments or dual-language settings. Research on the Kazakh–Russian–English trilingual context remains limited.

Despite extensive studies on translanguaging in bilingual communities, gaps remain limited cognitive characterization of translanguaging in trilingual contexts,insufficient attention to pragmatic functions among Kazakh–Russian–English speakers,few sociolinguistic studies exploring the relationship between translanguaging and identity in Kazakhstan's multilingual environment.

These gaps form the rationale for the present study, which investigates

cognitive, pragmatic, and sociolinguistic aspects of translanguaging in Kazakh–Russian–English bilingual speech practices.

The literature demonstrates growing interest in multilingual speech practices, emphasizing cognitive complexity, pragmatic efficiency and sociocultural significance. However, a comprehensive understanding of translanguaging in the Kazakhstani context, particularly within Kazakh–Russian–English trilingual practices, requires further research integrating cognitive, pragmatic and sociolinguistic perspectives.

Methods and materials

The present study employs a qualitative–quantitative mixed-methods design to investigate translanguaging practices among Kazakh–Russian–English bilingual speakers. The research is grounded in a philological and sociolinguistic framework, integrating elements of discourse analysis, functional pragmatics and cognitive linguistics.

A philological experiment was selected as the primary methodological approach, as it allows for the observation of naturally occurring multilingual speech under controlled communicative conditions. The study focuses on identifying cognitive, pragmatic and sociolinguistic factors influencing translanguaging behavior.

The study involved 30 Kazakh–Russian–English bilingual participants aged between 18 and 23. All participants met the following criteria:

-native or near-native proficiency in Kazakh and Russian;

-at least intermediate proficiency in English;

-regular use of two or more languages in everyday communication;

-residence in an urban multilingual environment in Kazakhstan.

Participants were selected using purposive sampling, ensuring representation of active bilingual speakers with comparable educational backgrounds. All participants provided informed consent prior to participation.

The research materials consisted of three sets of experimental tasks, each designed to elicit translanguaging in different communicative contexts.

1.Cognitive Tasks

Participants were asked to explain abstract or academic concepts (e.g., *education*, *identity*, *technology*, *culture*) without language restrictions. These tasks aimed to examine translanguaging under conditions of increased cognitive load.

2.Pragmatic Tasks

Pragmatic tasks included role-play dialogues requiring:clarification of info rmation,persuasion,expression of emotions or attitudes,mitigation of potentially face-threatening acts.These tasks were designed to elicit interactionally motivated language alternation.

3.Sociolinguistic Tasks

Participants were asked to discuss the same topic across different imagined communicative domains:informal peer interaction,academic

discussion,institutional or professional context.This task type allowed for the analysis of domain-specific language choice and sociolinguistic conditioning of translanguaging.

All experimental sessions were conducted individually in a quiet environment. Speech data were audio-recorded using digital recording devices to ensure high-quality data capture.

The total corpus consisted of approximately 15 hours of recorded speech. All recordings were orthographically transcribed, with instances of translanguaging annotated according to language choice and function.

Instances of translanguaging were identified as utterances involving the combined use of lexical, grammatical or discourse-level resources from two or more languages within a single communicative event.Each translanguaging instance was coded according to its dominant communicative function:cognitive (lexical retrieval, explanation),pragmatic (emotion, politeness, emphasis),sociolinguistic (identity marking, solidarity, domain alignment).

The classification was informed by functional-pragmatic and sociolinguistic models of language use.

The quantitative analysis served a descriptive and supportive role, complementing qualitative interpretation rather than providing statistical generalization.

To enhance reliability, a subset of the data (20%) was independently coded by a second linguist. Inter-coder agreement reached a high level, confirming the consistency of functional classification.

Validity was ensured through triangulation of task types,alignment of experimental design with research hypotheses,integration of qualitative and quantitative analyses.

Results and discussion

The sociolinguistic findings resonate with studies on multilingualism in Kazakhstan, which emphasize the role of language ideology, prestige and identity. Translanguaging emerges as a mechanism through which speakers negotiate their linguistic identities in a multilingual environment shaped by historical, political and global influences.

The positive attitudes toward translanguaging among younger speakers suggest an ongoing shift from monolingual norms toward flexible multilingual practices, particularly in urban and educational settings.

This study contributes to translanguaging research by addressing an underexplored trilingual context. Unlike much of the existing literature focused on bilingual settings, the Kazakh–Russian–English environment reveals additional layers of cognitive and sociolinguistic complexity. The findings highlight the need to reconceptualize translanguaging beyond binary language models and incorporate trilingual and post-Soviet multilingual ecologies.

While the study provides valuable insights, it is limited by its focus on specific communicative contexts. Future research should include longitudinal data, experimental cognitive measures and broader regional samples. Further investigation into translanguaging in educational and digital environments would deepen understanding of its pedagogical and societal implications.

The collected data consisted of audio-recorded speech samples, which were transcribed and subjected to qualitative and frequency-based analysis. Instances of translanguaging were identified and categorized according to their dominant function.

The data indicate that bilingual speakers do not compartmentalize Kazakh, Russian, and English into separate mental systems. Instead, they exhibit an integrated multilingual competence, dynamically activating lexical and structural elements from different languages. Translanguaging in cognitive tasks served several key functions:reduction of cognitive load,maintenance of speech fluency,facilitation of lexical retrieval.

These findings suggest that translanguaging functions as a cognitive strategy that optimizes real-time language processing and problem-solving.

Questionnaire Items

Participants responded to the following prompts, using any language or combination of languages they considered appropriate:

1.When explaining complex ideas, do you use more than one language? Why?

2.In which situations do you most often switch between Kazakh, Russian, and English?

3.Which language do you prefer for expressing emotions or personal attitudes? Explain your choice.

4.Does your language use change depending on whether you are speaking in informal or formal contexts?

5.How do you perceive translanguaging: as a communicative advantage or a difficulty?

6.Responses were analyzed qualitatively to identify recurring cognitive, pragmatic, and sociolinguistic patterns.

Semi-Structured Interview Prompts

The interview guide included open-ended questions aimed at eliciting reflective accounts of translanguaging practices:

1.Can you describe a situation in which you naturally used more than one language in conversation?

2.How do you decide which language to use when explaining something difficult?

3.Does switching languages help you express emotions or attitudes more effectively?

4.How does your language use differ when speaking with friends, teachers, or colleagues?

5.What does using multiple languages mean for your sense of identity?

The semi-structured format allowed flexibility while ensuring thematic consistency across interviews.

Younger speakers, in particular, associated translanguaging with a modern multilingual identity rather than linguistic deficiency. Negative attitudes were rare and mainly linked to formal language norms in institutional contexts rather than everyday communication.

Table 1. Distribution of Translanguaging Functions Across Experimental Tasks (%)

Function	Cognitive Tasks	Pragmatic Tasks	Sociolinguistic Tasks
Clarification / Explanation	38%	22%	18%
Lexical Retrieval	31%	15%	12%
Emotional Expression	9%	26%	14%
Politeness / Mitigation	7%	21%	19%
Identity / Solidarity Marking	15%	16%	37%

Source: authors' own development.

The data presented in Table 1 demonstrate that translanguaging functions vary significantly depending on task type. Cognitive tasks are dominated by clarification and lexical retrieval, pragmatic tasks by emotional expression and mitigation strategies, and sociolinguistic tasks by identity-related functions.

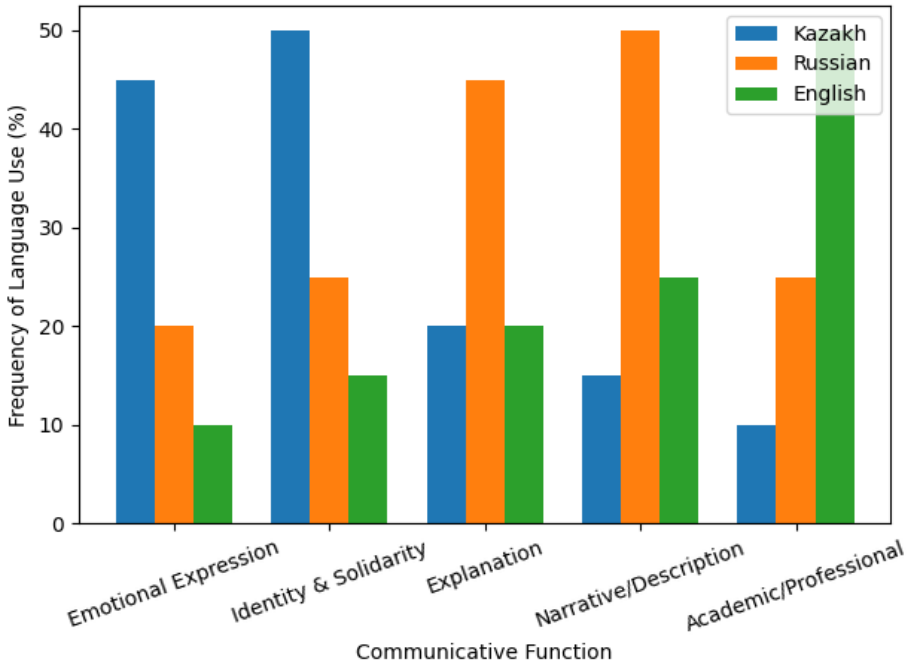


Figure 1 – Functional Distribution of Languages in Translanguaging Practices

The clustered bar chart illustrates the functional distribution of Kazakh, Russian, and English across key communicative functions in translanguaging practices.

As shown in Figure 1, Kazakh demonstrates the highest frequency in functions related to emotional expression and identity and solidarity marking, indicating its strong role in conveying cultural affiliation and interpersonal closeness. This confirms the status of Kazakh as a primary language of affective and identity-based communication.

Russian predominates in explanatory, narrative, and descriptive discourse, reflecting its mediating role in structured communication and information transmission. The high frequency of Russian in these domains suggests its continued importance as a language of cognitive organization and extended discourse.

English appears primarily in academic, professional, and institutional contexts, where it is associated with specialized terminology and formal communication. Its functional distribution reflects its symbolic value as a language of global mobility, education and professional competence.

Analysis of pragmatic tasks revealed that translanguaging is employed strategically to achieve specific interactional goals. Language alternation was not random but closely aligned with communicative intentions.

The most prominent pragmatic functions included:clarification and emphasis of meaning,expression of emotions and personal attitudes,mitigation of face-threatening acts,signaling in-group solidarity.

Kazakh was predominantly used to convey emotional nuance and cultural closeness, Russian functioned as the main explanatory and descriptive language, while English was primarily associated with academic and professional terminology. This functional differentiation reflects a high level of pragmatic competence and sensitivity to audience and context.

In informal settings, participants demonstrated greater flexibility in language mixing, frequently combining all three languages within a single interaction. In contrast, institutional and academic contexts were characterized by more structured and predictable translanguaging patterns.

English emerged as a symbolic and instrumental language associated with education, modernity and global mobility. Russian served as a mediating language facilitating explanation and interaction, while Kazakh played a central role in expressing identity and cultural affiliation.

The findings reveal a strong connection between translanguaging and identity construction. The majority of participants evaluated translanguaging positively, perceiving it as a marker of linguistic competence, adaptability and communicative efficiency.

Table 2. Statistical significance of differences across task types

Parameter	Value	Interpretation
Statistical Test	Chi-square test of independence	Appropriate for categorical frequency data
Significance Level	$p < 0.01$	Differences are statistically significant
Effect Size	Cramér's V = 0.34	Moderate association between variables
Relationship Tested	Task type × Translanguaging function	Functional distribution depends on context
Overall Interpretation	Significant variation across task types	Translanguaging is systematic and context-sensitive

Source: Author's own elaboration based on empirical data

The frequency distribution presented in Table 1 demonstrates clear variation in translanguaging functions across task types. However, frequency data alone do not confirm whether these differences are statistically meaningful. The results summarized in Table 2 indicate that the variation is statistically significant ($p < 0.01$), with a moderate effect size (Cramér's V = 0.34), suggesting a meaningful association between communicative context and functional language use.

Cognitive tasks are primarily associated with clarification and lexical retrieval, supporting the interpretation of translanguaging as a cognitive processing strategy. Pragmatic tasks emphasize emotional expression and politeness strategies, while sociolinguistic tasks are strongly oriented toward identity construction and solidarity marking. These findings confirm that translanguaging practices are structured, functionally differentiated and context-dependent rather than random.

To elicit translanguaging under different communicative conditions, participants completed three task types without restrictions on language choice.

In conclusion, the diagram clearly demonstrates a pattern of functional specialization of languages, rather than random or chaotic language mixing. Translanguaging practices are shown to be systematic and purpose-driven, with each language fulfilling distinct communicative roles depending on context and interactional goals.

Conclusion

This study examined translanguaging practices among Kazakh–Russian–English bilingual speakers from cognitive, pragmatic, and sociolinguistic perspectives. The findings demonstrate that translanguaging constitutes a systematic and purposeful communicative practice rather than random language mixing. Bilingual speakers were shown to draw on an integrated multilingual repertoire, dynamically activating linguistic resources in response to cognitive demands, interactional goals and contextual constraints.

The results reveal that translanguaging functions as a cognitive strategy facilitating lexical retrieval and fluency, a pragmatic resource enhancing communicative effectiveness, and a sociolinguistic mechanism for negotiating

identity and social alignment. The functional distribution of Kazakh, Russian and English reflects clear patterns of specialization shaped by communicative domain, interlocutor and language ideology.

By providing empirical evidence from an underexplored trilingual, post-Soviet context, this study extends existing translanguaging frameworks beyond binary models of bilingualism. It highlights the need for theoretical approaches that account for multilingual repertoires and context-dependent language practices. Future research may further explore translanguaging across age groups, regions and institutional settings, as well as its implications for multilingual education and language policy.

REFERENCES

[1] García O., Flores N. Multilingual pedagogies. The multilingual turn. – New York: Routledge, 2014. – Pp. 245-266.

[2] Canagarajah S. Translanguaging in the classroom: Emerging issues for research and pedagogy // Applied Linguistics Review. – 2011. – №2. – Pp.1-28. https://doi.org/10.1515/9783110239331.1

[3] Creese A.,Blackledge A. Translanguaging in the bilingual classroom: A pedagogy for learning and teaching? // The Modern Language Journal. – 2010. – №94. – Pp.103-115.https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.2009.00986.x

[4] Cook V. Second language learning and language teaching (5th ed.). – London: Routledge,2016.

[5] Bialystok E. Cognitive effects of bilingualism: How linguistic experience leads to cognitive change // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2007. – №10. – Pp.21-223.https://doi.org/10.2167/beb441.0

[6] Auer P. Code-switching in conversation: Language, interaction and identity. – London: Routledge, 2001. -

[7] Chernyaev M. Language choice and code-switching in urban Kazakhstan // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2019. – №40. – Pp.512-526. https://doi.org/10.1080/01434632.2018.1530134

[8] Kamp M., Smieja B. Language ideologies and multilingualism in post-Soviet Kazakhstan // Central Asian Survey. – 2019. – №38. – Pp.379-395. https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1580765

[9] Davydova Y., Kinzhalova E., Smagulova, J. Language attitudes and language choice in Kazakhstan // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2017. – №20. – Pp.562-578. https://doi.org/10.1080/13670050.2015.1080652

[10] Sharipova D. English as a language of prestige in Kazakhstan's multilingual education // Journal of Language, Identity & Education. – 2021. – №20. – Pp.253-267. https://doi.org/10.1080/15348458.2020.1818076

[11] Seltzer K. Translanguaging, writing, and rhetorical agency // Journal of Second Language Writing. – 2016. – №34. – Pp.25-69. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2016.10.005

ҚАЗАҚ–ОРЫС–АҒЫЛШЫН БИЛИНГВТЕРІНІҢ СӨЙЛЕУ ТӘЖІРИБЕСІНДЕГІ ТРАНСЛИНГВИНГ: КОГНИТИВТІК, ПРАГМАТИКАЛЫҚ ЖӘНЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕР

Хусаинова Г.Ж.[1], *Базарбеков Б.М.[2], Бекназарова Р.К.[3]
[1, *2,3] М.Ауезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті
Шымкент, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл ғылыми мақалада қазақ–орыс–ағылшын билингвтерінің сөйлеу тәжірибесіндегі транслингвинг құбылысы когнитивтік, прагматикалық және социолингвистикалық қырларынан қарастырылады. Транслингвинг пен көптілді құзыреттілікке қатысты заманауи теорияларға сүйене отырып, зерттеу тілдерді бір-бірінен оқшау, дербес жүйелер ретінде қарастыратын билингвизмнің дәстүрлі көзқарастарына сын көзбен қарайды.

Зерттеуде филологиялық экспериментті, дискурс-талдауды және көптілді сөйлеу деректерінің жиілік талдауын біріктіретін аралас әдістемелік тәсіл қолданылады. Эксперименттік дизайн когнитивтік, прагматикалық және социолингвистикалық тапсырмаларды қамтиды және транслингвингтің табиғи көріністерін анықтау мақсатында тілдік шектеулерсіз орындауға мүмкіндік береді. Зерттеу корпусы 72 билингв қатысушының аудиожазбаға түсірілген және транскрипцияланған сөйлеу материалдарынан тұрады.

Зерттеу нәтижелері транслингвингтің кездейсоқ тіл араластыру емес, жүйелі әрі мақсатты коммуникативтік тәжірибе екенін дәлелдейді. Нәтижелер билингв сөйлеушілердің когнитивтік талаптарға, коммуникативтік мақсаттарға және социолингвистикалық контекске сәйкес біріктірілген көптілді репертуарды белсенді түрде қолданатынын көрсетеді. Транслингвинг лексикалық бірліктерді оңай меңгеруге және сөйлеу еркіндігін арттыруға ықпал ететін когнитивтік стратегия, өзара әрекеттестік тиімділігін күшейтетін прагматикалық ресурс, сондай-ақ тілдік сәйкестікті қалыптастыру мен келісу үдерісінің социолингвистикалық тетігі ретінде қызмет атқарады. Қазақ, орыс және ағылшын тілдерінің функционалдық бөлінісі қарым-қатынас саласына, адресатқа және тілдік идеологияға байланысты айқын мамандану үлгілерін көрсетеді. Бұл зерттеу транслингвингті зерттеу саласына жеткілікті зерттелмеген үштілді контексттен алынған эмпирикалық деректер ұсыну арқылы үлес қосады. Зерттеу бинарлы тілдік модельдер шеңберінен тыс транслингвинг тәжірибелерінің күрделілігін айқындап, қолданыстағы теориялық негіздерді кеңейтеді және социолингвистика, қолданбалы лингвистика мен көптілді білім беру салалары үшін алынған нәтижелердің маңыздылығын көрсетеді.

Тірек сөздер: транслингвинг, көптілділік, билингвтік сөйлеу тәжірибелері, когнитивтік лингвистика, прагматика, социолингвистика, тілдік сәйкестік, филологиялық эксперимент

ТРАНСЛИНГВИРОВАНИЕ В РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ КАЗАХСКО-РУССКО-АНГЛИЙСКИХ БИЛИНГВОВ: КОГНИТИВНЫЕ, ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Хусаинова Г.Ж.[1], *Базарбеков Б.М.[2], Бекназарова Р.К.[3]
[1,*2,3] Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова
Шымкент, Казахстан

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются практики транслингвирования в речи казахско-русско-английских билингвов с акцентом на их когнитивные, прагматические и социолингвистические измерения. Опираясь на современные теории транслингвирования и многоязычной компетенции, исследование ставит под сомнение традиционные представления о билингвизме, согласно которым языки рассматриваются как обособленные и автономные системы.

В исследовании используется смешанный методологический подход, сочетающий филологический эксперимент, дискурс-анализ и частотный анализ многоязычных речевых данных. Экспериментальный дизайн включает когнитивные, прагматические и социолингвистические задания, допускающие свободный выбор языка с целью выявления естественных практик транслингвирования. Корпус исследования состоит из аудиозаписей и расшифрованных речевых данных, полученных от 72 билингвальных участников.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что транслингвирование представляет собой систематическую и целенаправленную коммуникативную практику, а не случайное смешение языков. Результаты показывают, что билингвальные говорящие активизируют интегрированный многоязычный репертуар в зависимости от когнитивных требований, коммуникативных целей и социолингвистического контекста. Транслингвирование функционирует как когнитивная стратегия, способствующая лексическому извлечению и беглости речи, как прагматический ресурс, повышающий эффективность взаимодействия, а также как социолингвистический механизм конструирования и переговоров идентичности. Функциональное распределение казахского, русского и английского языков демонстрирует чёткие модели специализации, обусловленные сферой общения, типом собеседника и языковой идеологией. Данное исследование вносит вклад в изучение транслингвирования, предоставляя эмпирические данные из недостаточно изученного трилингвального контекста. Оно расширяет существующие теоретические рамки, демонстрируя сложность практик транслингвирования за пределами бинарных языковых моделей, и подчёркивает значимость полученных результатов для социолингвистики, прикладной лингвистики и многоязычного образования.

Ключевые слова: транслингвирование, многоязычие, билингвальные речевые практики, когнитивная лингвистика, прагматика, социолингвистика, языковая идентичность, филологический эксперимент

Мақала түсті / Статья поступила / Received: 12.03.2026.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 25.06.2026.

Информация об авторах:

Хусаинова Гульмира Жангалиевна – доктор философии (PhD), Южно-Казахстанский университет им. М.Ауезова, Шымкент, Казахстан, e-mail: sola_cor@mail.ru, orcid.org/0000-0003-1269-2887

Базарбеков Бакберди Мураталиевич – PhD, Южно-Казахстанский университет им. М.Ауезова, Шымкент, Казахстан, e-mail: bakbergenbazarbekov1983@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-2356-7432

Бекназарова Раушан Кадырбековна – старший преподаватель, Южно-Казахстанский университет им. М.Ауезова, Шымкент, Казахстан, e-mail: brk01011969@gmail.com, ORCID ID 0009-0006-6394-8060

Авторлар туралы мәлімет:

Хусаинова Гульмира Жангалиевна – философия докторы (PhD), М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан, e-mail: sola_cor@mail.ru, orcid.org/0000-0003-1269-2887

Базарбеков Бакберди Мураталиевич – философия докторы (PhD), М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан, e-mail: bakbergenbazarbekov1983@gmail.com, ORCID ID 0000-0003-2356-7432

Бекназарова Раушан Кадырбековна – аға оқытушы, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан, e-mail: brk01011969@gmail.com, ORCID ID 0009-0006-6394-8060

Information about the authors:

Khussainova Gulmira Zhangaliyevna – PhD, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan, e-mail: sola_cor@mail.ru, orcid.org/0000-0003-1269-2887

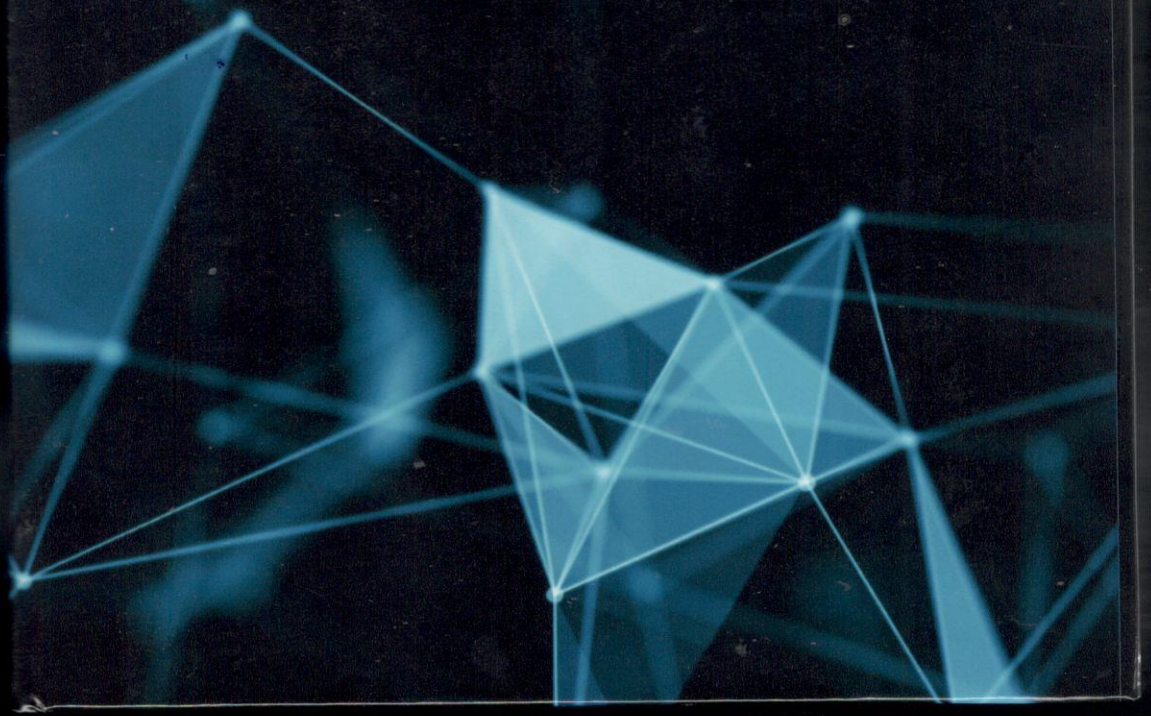
Bazarbekov Bakberdi – PhD, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan, e-mail: bakbergenbazarbekov1983@gmail.com, ORCID ID 0000-0003-2356-7432

Beknazarova Raushan Khadyrbekovana – senior teacher, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan, e-mail: brk01011969@gmail.com, ORCID ID 0009-0006-6394-8060

МИЯТБЕКОВА З. У., АЙТМАГАМБЕТОВА М. Б., КАЛДЫГОЗОВА С. Е.

МЕДИАСАУАТТЫЛЫҚ ЖӘНЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІ ҚОЛДАНУ

ОҚУ-ӘДІСТЕМЕЛІК ҚҰРАЛ



Ф-7-03.20

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРҒЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті

Миятбекова З.У., Айтмагамбетова М.Б., Калдыгозова С.Е.

МЕДИАСАУАТТЫЛЫҚ ЖӘНЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ

Оқу-әдістемелік құрал

Шымкент 2025

УДК 070+004.8
ББК 76.01+32.813
М63

Оқулық Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің (№AP19679821 «Ақпараттық кеңістік жағдайында медиаманипуляцияны тану және медиа сауаттылықты ілгерілету әдістемесін әзірлеу» 2023-2025 жылдарға арналған жобасы аясында дайындалды)

Басылымға М. Әуезов атындағы ОҚУ Оқу-әдістемелік кеңесі ұсынған., хаттама № 2 «28» октября 2025 ж.

Рецензенттер: А. Ф. Зейнуллина – филология ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университетінің профессоры; С.Б. Бейсембаева – филолология ғылымдарының кандидаты, Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің доценті; Г.Ж. Өтегенова – филология ғылымдарының кандидаты, М. Әуезов атындағы ОҚУ доценті.

Миятбекова З.У., Айтмагамбетова М.Б., Калдыгозова С Е.
М63 Медиасауаттылық және ЖИ қолдану/ Оқу-әдістемелік құрал. – Шымкент: М.Әуезов атындағы ОҚУ, 2025. – 240 б.

ISBN 978-601-82376-0-7

Бұл оқулық медиа сауаттылықтың негізгі компоненттерін, соның ішінде медиа мазмұнды талдауды, сыни ойлауды және киберқауіпсіздікті ашады. Медиа манипуляция тұжырымдамасына және онымен байланысты категорияларға, медиа манипуляция механизмдеріне, таным әдістеріне ерекше назар аударылады. Сондай-ақ БАҚ-да ЖИ қолдану бойынша мүмкіндіктер мен сын қатерлер және олармен байланысты этика мәселелері қаралды
Оқулық «Тіл және әдебиет» даярлау бағыты бойынша ББ студенттері мен магистранттарына, жоғары сынып оқушыларына, орыс тілі мен әдебиеті мұғалімдері мен оқытушыларына, сондай-ақ медиа сауаттылықты ілгерілету және медиада ЖИ қолдану мәселелеріне қызығушылық танытқандарға, цифрлық дәуірде медиа контентті саналы түрде тұтыну дағдыларын дамытуға ұмтылатындарға арналған.

©АЕҚ «М.Әуезов атындағы ОҚУ»,2025
©Миятбекова З.У., Айтмагамбетова М.Б., Калдыгозова С Е,2025

МАЗМҰНЫ

Алғы сөз..... 8

Модуль 1. *МЕДИА САУАТТЫЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ*..... 10

Тақырып 1. ***Қазіргі ақпараттық қоғамдағы медиа сауаттылықтың маңызы*..... 10**
Медиа сауаттылықтың анықтамасы. Медиа сауаттылық және онымен байланысты ұғымдар..... 10
Медиа сауаттылық және адам құқықтары..... 12
ЮНЕСКО бойынша медиасауаттылық және ақпараттық сауаттылық (МАС) экожүйесі..... 13
МАС-тың бес заңы..... 16
Медиа сауаттылық және жасанды интеллект (ЖИ)..... 17
Семинар..... 19
Тест тапсырмалары..... 20
Ұсынылатын әдебиеттер..... 23

Тақырып 2. **Жасанды интеллект дәуіріндегі (Digital) сандық және киберқауіпсіздік негіздері**..... 24
Digital-сауаттылық қазіргі адамның негізгі дағдысы ретінде..... 24
Киберқауіптердің негізгі түрлері..... 28
Медиа пайдаланушылар үшін киберқауіпсіздік принциптері..... 32
Семинар..... 35
Тест тапсырмалары..... 38
Ұсынылатын әдебиеттер..... 41

Тақырып 3. **Медиа түрлері мен жанрлары. Медиа және қоғамдық пікір**..... 42
Медиа жүйе ретінде..... 42
Медиа түрлері..... 42
Медиа жанрлары..... 44
Бұқаралық ақпарат құралдарының қоғамдық пікірге әсер ету жолдары..... 46
Семинар..... 47
Тест тапсырмалары..... 48
Ұсынылатын әдебиеттер..... 50

Тақырып 4. **Сыни тұрғыдан ойлау ақпаратты медиа сауатты тұтынудың негізі**

Миятбекова Зилиха Усмагамбетовна
Айтмагамбетова Марал Бейсетаевна
Калдыгозова Сандугаш Еркимбековна

МЕДИА САУАТТЫЛЫҚ ЖӘНЕ ЖИ ҚОЛДАНУ

Оқу-әдістемелік құрал

ХХҮ 1/16 қағаз пішімі
Типографиялық қағаз. Офсеттік басып шығару. Көлемі 15 б. л.
Таралымы 100.дана Тапсырыс № .....*

© М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің басылымы

М. Әуезов атындағы ОҚУУ баспа орталығы, Шымкент қаласы,
Тәуке хан даңғылы, 5

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

УДК 811.1'33; МРНТИ 16.21.33
https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.237

З.У. МИЯТБЕКОВА[1], М.Т. ШАКЕНОВА[2]✉, Б.Т. ТАСПОЛАТОВ[3]
[1]кандидат филологических наук, доцент
Южно-Казахстанский исследовательский университет им. М. Ауезова
(Казахстан, г. Шымкент), e-mail: zlixamiatbekova@mail.ru
[2]кандидат филологических наук, доцент
Южно-Казахстанский исследовательский университет им. М. Ауезова
(Казахстан, г. Шымкент), e-mail: maigul1379@mail.ru
[3]кандидат филологических наук, доцент
Южно-Казахстанский исследовательский университет им. М. Ауезова
(Казахстан, г. Шымкент), e-mail: taspolatov73@mail.ru

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В КАЗАХСТАНСКИХ СМИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы манипуляции в современных казахстанских медиатекстах. Сейчас эта проблема становится чрезвычайно актуальной, так как в настоящее время в мире и Казахстане в том числе значительно возросло число медиапотребителей, живущих в большом потоке информации, которая не всегда является качественной и достоверной. Неверная, фейковая и манипулятивная информация повышает риск негативного влияния на мнение, настроение и поведение общества, а также провоцирует заблуждения массового читателя.

Авторы статьи справедливо отмечают, что манипуляция может встречаться в различных дискурсивных практиках. В данной статье рассматриваются особенности медиатекстов с точки зрения используемых в них манипуляций. Материал собран методом сплошной выборки из казахстанских информационных интернет-источников, социальных сетей и с онлайн-платформ. В результате анализа медиатекстов было выявлено, что авторами публикаций используются разные приемы и средства, с помощью которых осуществляется информационно-психологическое воздействие на читателя. Средства манипуляции рассмотрены на разных уровнях языка. Приведены примеры оценочных слов и фразеологизмов, эвфемизмов, риторических вопросов, которые обладают манипулятивным потенциалом. Описаны такие приемы манипуляции, как обращение к авторитетным источникам, навешивание ярлыков, агрессия, страх и др.

Ключевые слова: манипуляция, языковые способы манипуляции, медиадискурс, манипулятивный потенциал, фразеологизмы, эвфемизмы.

**** Цитируйте нас правильно:***
Миятбекова З.У., Шакенова М.Т., Тасполатов Б.Т. Способы языковой манипуляции в казахстанских СМИ // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2025. – №3 (137). – С. 103–115. https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.237
****Cite us correctly:***
Miatbekova Z.U., Shakenova M.T., Taspolatov B.T. Sposoby iazykovoi manipuliacii v kazahstanskih SMI [Methods of Language Manipulation in The Kazakh Media] // *Iasaui universitetinin habarshysy*. – 2025. – №3 (137). – S. 103–115. https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.237

Дата поступления статьи в редакцию 01.10.2024 / Дата принятия 30.09.2025

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

З.У. Миятбекова[1], М.Т. Шакенова[2], Б.Т. Тасполатов[3]
[1]филология ғылымдарының кандидаты, доцент
М. Әуезов ат. Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті
(Қазақстан, Шымкент қ.), e-mail: zlixamiatbekova@mail.ru
[2]филология ғылымдарының кандидаты, доцент
М. Әуезов ат. Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті
(Қазақстан, Шымкент қ.), e-mail: maigul1379@mail.ru
[3]филология ғылымдарының кандидаты, доцент
М. Әуезов ат. Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті
(Қазақстан, Шымкент қ.), e-mail: taspolatov 73@mail.ru

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ МЕДИАДАҒЫ ТІЛДІК МАНИПУЛЯЦИЯ ТӘСІЛДЕРІ

Аңдатпа. Мақалада қазіргі кездегі қазақстандық медиамәтіндердегі медиаманипуляциялау әдістері қарастырылған. Бұл мәселе бүгінгі күні ең өзектілердің бірі болып отыр. Өйткені қазіргі таңда дүние жүзінде, оның ішінде Қазақстанда бұқаралық ақпарат құралдарының үлкен ағымында өмір сүретін медиатұтынушылар саны анағұрлым өсіп кеткен. Дегенмен ол ақпараттарды үнемі сапалы және шынайы болып келеді деп айту қиын. Ал теріс, жалған және манипуляциялық ақпарат қоғамның пікіріне, көңіл-күйіне және мінез-құлқына теріс әсер ету қаупін арттырады, сонымен қатар, бұқаралық оқырманды адастырады.

Мақала авторлары манипуляциялаудың әртүрлі дискурсивті тәжірибелерде кездесетінін өте орынды айтып отыр. Берілген мақалада манипуляцияның медиаманипуляциялау деген түрі қарастырылып отыр. Пайдаланылған материалдар қазақтандық интернет көздерден, оңлайн түрінде және әлеуметтік желілерде тұтастай іріктеу арқылы алынды. Медиамәтіндерді талдау нәтижесінде медиажарияланымдардың авторлары оқырманға ақпараттық-психологиялық әсер етуді әртүрлі әдістер мен тәсілдердің, құралдардың көмегімен жүзеге асыратындары белгілі болды. Манипуляциялау құралдары тілдің әртүрлі деңгейлерінде қарастырылды. Манипуляциялау әлеуетіне ие бағалауыш сөздер, фразеологизмдер, эвфемизмдер, риторикалық сұрақтардан мысалдар келтірілген. Авторлар ирония, танымал көздерге жүгіну, агрессия, үрей, т.б. қарастырған.

Кілт сөздер: манипуляция, манипуляцияның тілдік тәсілдері, медиадискурс, манипуляциялық әлеует, фразеологизмдер, эвфемизмдер.

Z.U. Miyatbekova[1], M.T. Shakenova[2], B.T. Taspolatov[3]
[1]Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
M. Auezov South Kazakhstan Research University
(Kazakhstan, Shymkent), e-mail: Zlixamiatbekova@mail.ru
[2]Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
M. Auezov South Kazakhstan Research University
(Kazakhstan, Shymkent), e-mail: maigul1379@mail.ru
[3]Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
M. Auezov South Kazakhstan Research University
(Kazakhstan, Shymkent), e-mail: taspolatov73@mail.ru

Methods of Language Manipulation in The Kazakh Media

Abstract. This article discusses the methods of media manipulation in modern Kazakh media texts. Now this problem is becoming extremely relevant, since at present the number of media consumers living in a large stream of media information, which is not always of high quality and reliable, has significantly increased in the world and Kazakhstan. Incorrect, fake and manipulative

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

information increases the risk of negatively influencing the opinion, mood and behavior of society, as well as misleading the general reader.

The authors of the article rightly point out that manipulation can occur in various discursive practices. This article discusses such a type of manipulation as media manipulation. The material of a solid mass sample from Kazakhstani Internet information sources, online platforms and social networks. As a result of the analysis of media texts, it was revealed that the authors of media publications use different techniques and means, with the help of which information and psychological effects on readers are carried out, manipulation means are considered at different language levels. Examples of evaluative words and phraseological units, euphemisms, and rhetorical questions that have manipulative potential are given. The author considers irony, appeal to authoritative sources, aggression, fear and others.

Keywords: manipulation, linguistic methods of manipulation, media discourse, manipulative potential, phraseological units, euphemisms.

Введение

Господствующее место в современном информационном мире занимают медиа, которые значительно расширили свои информационные каналы через всемирную паутину. В силу конкуренции и в борьбе за внимание читателей СМИ обращают пристальное внимание на выбор тем и языковых средств их передачи.

Понимая, что язык является средством коммуникации, ученые-лингвисты говорят и о других не менее важных функциях языка: язык является также средством формирования национального самосознания, аккумулирует в себе культурные смыслы народа, а также является мощным инструментом информационно-психологического воздействия, орудием управления общественностью в политической, социальной, экономической сферах.

Справедливо отмечается учеными-лингвистами, что язык любого народа – важнейшая категория национальной культуры, отражающая историческое, этническое и социальное наследие общины народов, служащая богатейшим наследием каждого говорящего, способная главным образом объяснить современное мировоззрение человека [1].

Основными функциями СМИ являются информативная и воздействующая. «Основная цель политического текста – внушительная речь и выбор языковых средств для достижения этой цели», – отметил П.Б. Паршин [2]. В своей работе исследователь В.Е. Чернявская рассматривает речевую манипуляцию в СМИ как особый тип персуазивности, когда манипулируемый принимает непроизвольно то отношение к объекту, которого добивается манипудятор, при этом жертва не понимает этой исходной коммуникативной установки [3].

При манипуляции осуществляется такое психологическое воздействие, когда у манипулируемого или манипулируемых непроизвольно возникают определенные мысли и настроения, которые выгодны манипулятору. Иными словами, манипуляция предполагает такое воздействие, при котором манипулируемый добивается определенных физических или ментальных действий от того, на кого он воздействует. Манипуляция отличается от других видов психологического воздействия тем, что ей свойственен скрытый характер.

СМИ в настоящее время активно используются для продвижения реформ, политических идей и др., а также нередко манипулируют сознанием читателей. Печатные издания, широко распространившиеся в результате технологического прорыва XX века, а также телевидение, радио, интернет совершенствуются и выполняют различные функции. По мнению Фукидида, манипуляции с людьми происходят еще потому, что благодаря им легко принять готовые мнения и не нужно самим искать истину. Если «большинство людей не используют свой мозг активно и вдумчиво» [4], всегда найдутся люди, которые сделают это за них и при этом для своей пользы.

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

Значимым исследованием для понимании манипуляции являются труды Т.А. Ван Дейка (T. van Dijk), где при изучении данного явления используется критический дискурс-анализ. Ученый рассматривает деструктивный характер манипуляции, через которую власть или определенная политическая сила добивается своих негативных целей или планов [5].

Раскрыть феномен манипуляции пытался и исследователь Герберт Франке: «Манипуляцию следует понимать как психическое воздействие, которое в большинстве случаев происходит тайно, и, следовательно, вред для людей, на которых она направлена» [6]. Фарбер справедливо считает, что манипулируемому кажется, что он свободно принимает свое решение по тому или иному вопросу, хотя на самом деле это иллюзия и скрыто навязанная ему точка зрения. Иными словами, при манипуляции контролируют мнения и частично ими управляют. «Даже моральные принципы являются результатом манипуляции с целью сохранения власти меньшинства» [7]. Как отмечает Г. Шиллер, «успех гарантирован, когда манипулируемый человек верит, что все происходящее естественно и неизбежно» [8]. По его мнению, манипуляция вводит в ложную реальность через определенные скрытые уловки.

В концепции ЮНЕСКО описаны основные типы дезинформации: последние могут вводить в заблуждение, в них описывается вымышленная реальность, мифы и др. Они часто используются для манипуляции [9]. При этом дезинформация читателя осуществляется через какие-то простые объяснения, теории заговора, через угрозы и дискредитацию и т.д.

Российский исследователь Е.Л. Доценко в книге «Психология манипуляций» пишет: «Манипуляция – это форма психологического воздействия, умелое исполнение которого приводит к скрытому возбуждению намерений другого человека, несовместимых с его нынешними желаниями» [10]. Ученые Г.В. Грачев и И.К. Мельник трактуют манипуляцию как процесс применения различных конкретных способов и средств изменения поведения, целей, намерений, установок, психических состояний человека и других его психологических характеристик в интересах субъекта воздействия, таких ситуаций может и не произойти, если адресат на необходимом уровне определяет объем данных, относящихся к данной ситуации, а именно – какие методы применялись к ней или если люди достаточно осведомлены о том, для каких целей они использовались [11, с. 112–113]. С.Г. Карамурза под манипуляцией понимает «программирование мыслей и стремлений отдельных людей и масс, их настроения и даже их психического состояния с целью обеспечения поведения, необходимого тем, кто владеет средствами манипуляции» [12, с. 16]. В.П. Шеинов отметил, что «манипуляция – это тайное управление против воли человека, которое влечет за собой одностороннее господство над инициатором» [13, с. 3]. В.И. Карасик пишет, что в современном дискурсе существуют «различные манипуляции, направленные на обманчивое убеждение адресата говорящим, несмотря на провал реального и/или логического обоснования проблемы» [14, с. 34]. Иными словами, манипуляция – это форма речевого воздействия, когда происходит скрытое включение в сознание читателя / слушателя удобной манипулятору точки зрения. Исследователи Эгельхофер и Лечелер при рассмотрении манипуляции и объяснении данного феномена используют понятие дезинформации, понимая его как определенное политическое оружие, через которое общество вводится в заблуждение [15]. В этом контексте интерес представляют работы Дэвида Фрилона и Кэролайна Уэллса, где как инструмент снижения доверия к институтам власти выступают фейковые новости [16].

Вопросам технологий манипуляции посвящены работы казахстанских авторов М.Т. Шакеновой, М.Б. Айтмагамбетовой. Ими рассмотрены основные способы манипулирования в казахстанских медиа, которые выделены на информационном и эмоционально-экспрессивном уровнях [18].

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

«Основными явлениями, составляющими манипуляции, являются целенаправленное изменение информации в общении, сокрытие умственного воздействия, использование множества средств давления, выбор целей действий и использование автоматических схем поведения человека» [17]. Следует отметить, что манипуляция представляет собой взаимодействие двух сторон, поскольку жертва манипуляции тоже принимает непроизвольно желаемую позицию манипулятора, потому что так легче и удобнее. Если же потребитель информации начинает сомневаться, защищать свою позицию, то им трудно будет манипулировать. Иными словами, ответственность несут обе стороны: и манипулятор, и манипулируемый. В связи с этим читатель должен обладать критическим мышлением, распознавать четры манипулятивного текста, чтобы не оказаться под информационно-психологическим воздействием после прочитанного [19].

Таким образом, под медиаманипуляцией мы понимаем форму скрытого информормационно-психологического воздействия, когда манипулиемому через специально подобранные языковые средства незаметно навязывается мнение, выгодное манипулятору. Поскольку манипулирование общественным сознанием стало технологией, появились профессиональные работники, которые овладели этой технологией (или ее частями). При манипуляции осуществляется скрытое доминирование над людьми и их программирование.

Методы исследования и материалы

Поскольку целью статьи является рассмотрение способов и средств медиаманипулирования, материалом исследования выступили написанные на казахском языке публикации из казахстанских интернет-источников. При анализе языкового материала использовался многоаспектный подход, включающий описательный и дискурсивный подходы.

При изучении языковых явлений рассмотрен корпус медиатекстов объемом 1673 единицы, опубликованных за последние пять лет различными казахстанским информационными порталами. При отборе материалов в основном учитывалась степень популярности в стране информационных источников. Феномен манипуляции рассмотрен на примере текстов таких источников, как «Егемен Қазақстан», «Экспресс К», «Жас алаш», «Керуен» и другие.

Важно отметить, что в СМИ реализуются не только задачи предоставления объективной информации, но и ее оценка, которая может быть как эксплицитной, так и имплицитной. Оценочность слов, предложений и текста в целом является основополагающим компонентом субъективного моделирования, последнее может включать и рациональные реакции, и имплицитные иррациональные реакции. М.В. Ляпон в своих работах пишет, что «оценка представляет собой результат квалификационной деятельности психики человека в эмоциональной, чувственной сфере, выраженный в речевом акте» [20].

Результаты и обсуждения

Обобщив накопленный международный и отечественный опыт в области исследования менипуляции, в том числе в медидадискурсе, мы выявили основные способы и средства медиамедиманипуляции. Следует отметить, что, учитывая тот факт, что нас в первую очередь интересует прагматическая нагрузка приемов и языковых средств, используемых в целях манипуляции, нами не ставилась задача предоставления количественных данных. Нами в статье в качестве иллюстративного материала приведены примеры использования манипулятивных приемов и языковых средств, посредством которых возможно оказание информационного и эмоционального воздействия на читательску аудиторию Такими средствами являются эмоционально-экспрессивная лексика, оценочные фразеологизмы, эвфемизмы, риторические вопросы и др. Учитывая ограничения в объеме статьи, нами представлены лишь некторые из них.

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

Фразеологизмы

В медиатекстах довольно часто используются фразеологизмы для усиления эмоционального воздействия и манипуляции восприятием. Рассмотренные ниже примеры показывают, как устойчивые выражения, особенно оценочные, создают яркие образы и усиливают эмоциональную окраску текста.

«Сөзде – сый, қаламда – қадір қалмады. Меніңше, керісінше, БАҚ-тың басынан да бақ тайып, қадірі қашып бара жатқан сияқты» (https://abai.kz/post/38305). Первая часть фразы означает, что слово и писательский труд здесь потеряли свою ценность и уважение. Такой вывод способствует манипуляции аудиторией, поглощая мысль о деградации общества или культуры. Во втором предложении, как мы видим, утверждается, что СМИ теряют свою сущность и уважение. Этот посыл может исказить мнение людей, негативно воспринять СМИ и снизить доверие к ним.

«Біздің жазушыларға түсінікті өзгерту керек. «Дәстүрдің озығы бар, тозығы бар» демекші, тозып кеткен дәстүр, наным-сенім қоғамды қызықтырмайды» (http://ctntre – tur.kz maqalalar). Жәлел А. Дәстүрдің озығы бар, тозығы бар // 03.03.2022 https://centre-tur.kz/kk/maqalalar/din-jane-qogam/dasturdin-ozygy-bar-tozygy-bar-567/ Как видно из примера, для убеждения и усиления эмоционального фона восприятия автор публикации прибегает к использованию устойчивых выражений.

«*Бірнеше күннен бері Президент Қ. Тоқаевтің Солтүстік Қазақстан облысына сапарлай барып, Петропавлдағы метал пластик өндіретін өндіріс орны өндірген тазикті көріп тұрған суретін әлеуметтік желідегі жазғыштар сан-саққа жүгіртіп, жырдан қызық қып келемежден, жерден жеті қоян тапқандай желіні желдей естірді» (https://abai.kz/post/126066).* Такие оценочные фразеологизмы, использованные в медиатекстах, помогают вызвать эмоциональную реакцию у читателей, сформировать негативное представление об описываемых событиях.

«Ұрпағына дұрыс тәрбие бере алмаған халық – тамырына құрт түскен ағаш секілді» (https://kaz.inform.rz.news). Здесь возникает сильный негативный образ благодаря использованию оборота при характеристике народа, неспособного воспитывать собственных детей. Подобное сравнение усиливает эмоции читателей, вызывая у них чувства тревоги и беспокойства.

Таким образом, использование оценочных фразеологизмов в медиатекстах зачастую может служить в качестве инструмента манипулятивного воздействия, так как помогает не только передать информацию, но и формировать эмоциональное отношение к ней.

Эвфемизмы

Одним из активно применяемых в манипулятивных медитекстах языковых средств являются эвфемизмы, посредством которых возможно управление восприятием аудитории. Они помогают смягчить эмоциональную реакцию читателя и завуалировать информацию, сглаживать восприятие социальных, политических проблем и др..

«Керей-Жәнібек хан шаңырағын көтеріп, іргесін бекіткен күннен бастап, тәуелсіздіктің көк туы қайта желбірегенге дейінгі аралықта қазақ халқы қаншама қиындықты басынан өткізді» (https://ww.facebook.com; direkcion08photos). Фраза представляет в более мягкой форме трудные дни или несчастные случаи. Использование этого эвфемизма может уменьшить эмоциональную реакцию и скрыть реальные детали и серьезность ситуаций.

«...Ер адам қолындағы пышақпен әйелге 18 рет соққы жасаған. Әйел алған жарақаттарынан ауруханада көз жұмды», – делінген хабарламада» (Stan kz https://t.me/stankznews). Эвфемизмы, обозначающие смерть («ушёл из жизни», «скончался», «покинул нас») смягчают прямое значение слова "смерть", делая сообщение менее болезненным. Подобные эвфемизмы позволяют уменьшить трагичность восприятия.

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

Особенно это может использоваться в политическом или общественном контексте, чтобы сгладить восприятие тяжёлых потерь или смертей. «*Алматыдағы заңгер әйелдің өлімі: 18 рет пышақтаған күйеуіне қатысты сот үкімі өзгерді».* Эта фраза более мягко описывает убийство. *Өңірде екі адамның өмірін қиып кеткен әуе апатына қоғам тарапы бұрынғыдай өткір реакция білдіріп, қайғылы жайтты қызу талқыға айналдырған жоқ (https://t.me/atamekenbusiness_qaz).* Здесь говорится, что реакция общества снизилась, тем самым такой эвфемизм может оправдать игнорирование или недостаточное внимание к событию. *Олар жергілікті тұрғындардың сөзін алға тарта отырып, нәресте аштықтан көз жұмғанын, сондай-ақ бұл отбасындағы қалған балалардың да жағдайы мүшкіл екенін айтады (https://baq.kz.aqluq-bal).* Использование эвфемизмов при описании смерти обусловлено стремлением смягчить тяжесть утраты.

«Күйіп тұрған әлеуметтік мәселелер, қадам басқан сайын кездесетін әділетсіздіктер, әлдінің әлсізді көпе-көрнеу тонауы, таптауы – талай сұмдық айтылып-жазылып жатыр, нәтиже қайда?» (https:// abai.kz.post). В этой фразе применение эвфемизма помогает скрыть реальные проблемы и возможные решения. *2019 жылы 2480 әйел мен қыз зорлыққа ұшыраған, 742 нәзік жанды өзіне қол жұмсаған (https://ww.azattyq.org).* Эвфемизм, означающий самоубийство, уменьшает восприятие страданий самоуничтожения.

Использование эвфемизмов позволяет авторам облегчить эмоциональную реакцию читателя и передать информацию в более мягкой форме, однако их частое использование рискует исказить реальность, снижая остроту восприятия серьёзных проблем.. Такие слова могут не только служить средством передачи информации, но и применяться для манипулирования восприятием аудитории, не скрывая истинного смысла происходящего.

Ирония

Ирония в медиатекстах – это эффективный инструмент манипулятивного воздействия, потому что посредством иронии автор может выразить высмеять или преуменьшить значимость события, тем самым нередко искажая смысл происходящего и искажая восприятие информации.

«Бірнеше күннен бері Президент Қ. Тоқаевтің Солтүстік Қазақстан облысына сапарлай барып, Петропавлдағы метал пластик өндіретін өндіріс орны өндірген тазикті көріп тұрған суретін әлеуметтік желідегі «жазғыштар» сан-саққа жүгіртіп, жырдан қызық қып келемеждеп, жерден жеті қоян тапқандай желіні желдей естірді» (https:// abai.kz.post). Через иронию показан масштаб преувеличения описываемого события в социальных сетях. Ирония здесь может быть манипулятивной, потому что она заставляет пользователей социальных сетей смеяться; здесь попытка отвлечь внимание от основного события. Это может снизить важность обсуждаемого события перед аудиторией.

«Бірақ, ол бала сол өмірдегі «жеңісінің» мәнін түсіне алмай кетеді ғой» (https://massaqet.kz). Использование слова «жеңіс» в кавычках показывает сомнение или даже опровержение, на самом ли деле описываемое является успехом или победой. Используя этот прием, автор показывает, что данная «победа» не заслуживает на самом деле внимания, тем самым снижает ценность или значимость события.

Таким образом, ирония является одним из прмемов, обладающих мощным манипулятивным потенциалом. При умелом ее применении формируется критическое восприятие событий, но и возможно искажение реальности и снижение значимости обсуждаемых вопросов, потому что иронические высказывания зачастую предполагают сомнение в подлинности или важности описываемого. Все это может разрушить доверие аудитории к событию или идее, даже если они объективно важны.

Риторические вопросы

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

В медиатекстах риторические вопросы обладают большим манипулятивным потенциалов в силу одновременного побуждения читателей к размышлению и их сильной эмоциональной реакции.

«Журналистің айтып-жазғанының бәрі далаға кетсе, билік басында оған құлақ қойып, көңіл бөлген, соған орай шара ойластырған ешкім болмаса, қадіріңнің қашқаны емей, немене?!» (https:// abai.kz.post). Через такой риторический вопрос с воклицанием автор публикации заставляет читателя задуматься над значимостью журналисткой деятельности и СМИ в целом.

«Пәлен мақсатқа бөлінген түген сома түп-түгел талан-таражға түсті, бұл не деген сұмдық?!» деп газет дабыл қағады (https:// abai.kz.post). Посредством этого риторического вопроса с восклицанием, а также использованием экспрессивно-эмоционально окрашенного слова «сұмдық» автор стремится усилить сложность ситуации и вызвать у читателей сильную эмоциональную реакцию.

«Күйіп тұрған әлеуметтік мәселелер, қадам басқан сайын кездесетін әділетсіздіктер, әлдінің әлсізді көпе-көрнеу тонауы, таптауы – талай сұмдық айтылып-жазылып жатыр, нәтиже қайда?» (https:// abai.kz.post). «*Аумақтық мәселе олардың әрекетсіздігін сынай отырып, билік тарапынан іс-әрекеттің жоқтығына назар аударады. Енді не істеу керек? Елімізде ізгілікті, қайырым, мейірім, қамқорлықты ұлық тұтатын әлеуметтік орта қалыптасуы қажет, - деді ол. Қатыгез бала қайдан шығады?» (https://baq.kzqatyges.bala).* Эти вопросительные предложения заставляют читателей понять, что большую роль необходимо отвести социальной среде и воспитанию, чтобы избежать подобных негативных последствий и жестокости.

«Қалай адам адамнан артық болады? Бір-бірінен адамдардың құқығы не үшін төмен болуы қажет?» (https://baq.kz). В этих вопросительных конструкциях говорится о несправедливости и неравенстве и подчеркивается, что так не должно быть.

Риторические вопросы, таким образом, могут выступать в качестве инструмента манипуляции, так как они создают эффект диалога, через такие вопросы автор публикации имитируют взаимодействие с читателем, вовлекая его в обсуждение и делая восприятие текста более личным. Они заставляют читателя самостоятельно прийти к нужному автору выводу и усиливают эмоциональное восприятие, при этом создавая иллюзию объективности.

Агрессия

Манипуляция в медиа возможна через мощные эмоциональные реакции, зачастую негативные. Одной из них является агрессия, пробуждающая у читателя сильные негативные эмоции, выгодные автору публикации Для того чтобы вызывать такие негативные эмоциональные реакции, авторы прибегают к разнообразным языковым средствам, одним из которых является создание негативной коннотации и использование эмоционально окрашенных слов.

«Кабылбек Әліпбайұлы деген уағызшы бөліп қарастырған «ана» мен «шеше» сөзі. Атақты уағызшы «шеше» сөзін қазақтың «көкек ана» ұғымына теліп жіберді» (https://malim.kz culture). В этом примере агрессия проявляется в выборе слов и их интерпретации, а также в манипулятивных средствах языка. Использование метафоры «кукушка-мать» отсылает к знаниям о «кукушке»: птица откладывает яйца в чужие гнезда и не заботится о потомстве. Это вызывает негативное восприятие и, таким образом, вызывает негативные эмоции по отношению к описанным матерям. В тексте проводится разграничение слов «ана» и «шеше», при котором одно из них (возможно, «шеше») может быть передано в положительном, а другое («ана») – в отрицательном значении. Манипулятивный потенциал усиливает возникающую эмоциональную окраску. Термин «кукушка-мать» сам по себе воспрозводит негативную коннотацию и осуждает ее. Это манипулирует восприятием читателя, направляя его на негативные эмоции по отношению к

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

определенной группе матерей. Для усиления значимости события, а также для убеждения автор публикации использует прием апелляции к авторитетному источнику (в данном случае к знаменитому проповеднику). Более того, автор прибегает к эмоционально окрашенным словам, усиливая данный манипулятивный эффект.

Таким образом, агрессия, как манипулятивный приём, эффективна, так как вызывает у аудитории сильные чувства, такие как осуждение, гнев или тревога. Она позволяет автору акцентировать внимание на определённых проблемах, подталкивает читателей к эмоционально окрашенным выводам, при этом подавляя альтернативные пресуппозиции.

Страх и паника

Как и агрессия, страх и паника представляют собой довольно сильный инструменты эмоционального воздействия в медиа. Они вызывают у читателя острые негативные реакции, такие как тревога, беспокойство или шок, и через них идет фокусирование на описываемых событиях.

«34 жастағы әйел ұзақ жыл отасқан күйеуін пышақтап өлтірген, ең ауыры – оқиғаға екі баласы куә болған. Артынан әйел күйеуінің денесін балталап, өзенге ағызып жіберген» (https://ww.w.instagram.com). Описание жестокого преступления акцентирует внимание читателей на проблеме насилия в обществе. В данном примере достаточно детально описывается, как женщина совершает жесткое убийство и расчленение мужа. Через это пример, вызывающий ужас и шок, акцентируется внимание на проблеме насилия и усиливается страх перед деградацией общества.

«*Астанада Бас прокуратура алдында өз өзін өртеп жіберген Майра Рысмановаңың қызы мекеме маңында шу шығарып, артынан талып қалды» (https:kaz.caraban.kz).* В этом медиатексте говорится о женщине, совершившей акт самосожжения, и ужасной реакции её дочери на произошедшее. Через сильные эмоции, такие как беспокойство, сочувствие и страх перед отчаянием, доводящим до таких поступков, осуществляется фокусирование на проблемах и сложности ситуации.

«*Ресейдің Алтай өлкесінде тұратын бір келіншек 1,5 жасар қызын тірідей отқа жағып өлтіріп, қалған екі баласынан да айырылып қалды» (https:// haluq-uni.kz*). История о женщине, поджёгшей своего ребёнка, не только вызывает шок, но и подталкивает читателя задуматься о своей собственной безопасности или уязвимости близких. Таким образом, через страх и панику аудитория становится более эмоционально вовлечённой.

Таким образом, страх и паника, являясь сильными эмоциями, заставляют читателей задержаться на материале и воспринимать его более интенсивно. Через эти эмоции формируется тревожная картина мира и ощущение о распротранении таких проблем повсеместно. Более того, у испуганных или встревоженных читателей подавлено критическое мышление и они склонны быстрее соглашаться с предложенными решениями или точкой зрения.

Апелляция

Один из распространенных способов медиаманипуляции – апелляция. Авторы ссылаются на мнения известных или уважаемых людей, чтобы усилить свои утверждения и убедить аудиторию в их правоте. Например: «*Президент республикалық педагогтер съезінде қоғамда қызу талқыға түсіп дауға ұласқан мектептегі хиджаб кию мәселесіне нүкте қойды. «Қазақстан – зайырлы ел. Бұл қағида барлық жерде, соның ішінде, білім беру мекемелерінде қатаң сақталуға тиіс» деді мемлекет басшысы. (БерБерлген контекстте билікке жүгіну әдісі қолдаылған: Президент нүкте қойды)». КТК телеарнасы https://www.ktk.kz/kz/newsfeed/article/2023/10/06/253420.* В данном тексте апелляция к первому лицу государства ставит точку в дискуссии относительно вопроса ношения хиджаба в школе. Жалобы на власть могут применяться как в положительном, так и в отрицательном

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

контексте. Средства массовой информации могут цитировать известных ученых, экспертов, политиков или общественных деятелей, чтобы придать вес своим аргументам.

В негативном контексте обращение к власти может использоваться с целью дискредитации противников. Например: «*Ақпарат құралдарында жарияланған ресми деректерге сүйенсек, биыл алғашқы 8 айда 130 мыңнан аса отбасындағы зорлық-зомбылық фактісі тіркеліпті. Бірақ кінәлілердің тек 2500-і ғана әкімшілік жазаға тартылыпты. Көпшілік жағдайда екі жақтың келісімі бойынша қылмыстық іс тергелмей, жабулы қазан жабулы қалады немесе сот мәселені сөзбұйдаға салып, нақты шешім қабылданбайды екен. Күйеуінің үстінен шағымданған бір әйелдің арызы 9 ай бойы қаралып, қылмыскерге шара қолданылмаған. Өткен жылы күйеуінен зорлық-зомбылық көрген мыңнан аса әйел, біразы жас сәбилерімен, құқықтық қорғау орындарын паналаған. 2019 жылы 2480 әйел мен қыз зорлыққа ұшыраған, 742 нәзік жанды өзіне қол жұмсаған» (Abai.kz.https:abai.kz.post).* В этом тексте можем наблюдать апелляцияю к эмоциям через фразы «*әйел, біразы жас сәбилерімен, құқықтық қорғау орындарын паналаған*», «*бір әйелдің арызы 9 ай бойы қаралып, қылмыскерге шара қолданылмаған*» («*женщина с младенцем была вынуждена искать защиты», «жалоба рассматривалась 9 месяцев, меры не приняты*»), вызывающие сочувствие и возмущение, тем самым формируя негативное восприятие информации. Также мы видим апелляцию к общественному мнению во фразе «*көпшілік жағдайда екі жақтың келісімі бойынша қылмыстық іс тергелмей*» («в большинстве случаев закрываются по обоюдному согласию»), через котору. создаётся впечатление о распространённости данной проблемы в обществе без предоставления каких-либо доказательств.

Таким образом, апелляции используются для усиления эмоционального эффекта и поддержки аргументации текста. Эффективность апелляции, как манипулятивного приёма, связана, во-первых, с созданием впечатления достоверности информации через ссылки на авторитеты и факты; во-вторых, с эмоциональным воздействием и повышением значимости информации через обращение к чувствам; в-третьих, с формированием общественного мнения через ссылки на массовость проблемы или настроения общества.

Навешивание ярлыков

Также в средствах массовой информации активно используется такой способ манипулятивного воздействия, как навешивание ярлыков. Этот способ состоит в том, чтобы дать людям, группам, идеям или событиям определенные, часто негативные характеристики, которые вызывают упрощенное и предвзятое восприятие. Например: «*Кейінгі уақытта ауыл шаруашылығына қызығушылық танытушылардың қарасы көбейгенін ескерсек бұл салаға субсидия беріле бастағанына көп уақыт бола қоймағанын да білеміз. Алайда, басталмай жатып әуреге салған субсидиялау шаруаларға қолайлылық тудырмай отыр. Құжаттандыру бір жүгіртіп қойса, қойылатын талаптар тым тиімсіз. Құжат жинаймыз деп жүргенде аяқтан шалу, көке-жәкелерді жағалау да жоқ емес...*» (*qazaquni.kz/basty-makalalar/71026-beseudi-hatyi men –zhal-yizdyi –ni «Бесеудің хаты» мен «жалғыздың үні»).* В данном тексте использован ярлык «көке-жәкелерді жағалау». Через этот ярлык автор намекает на коррупцию и связи, где для достижения успеха или решения вопросов необходимо обращаться к влиятельным людям. Через этот ярлык усиливается негативная коннотация, вызывая у читателя ассоциации с несправедливостью, бюрократией и системными проблемами.

Повтор ярлыков позволяет надежно закрепить их в сознании аудитории. Ярлыки сильно влияют на общественное мнение, поскольку способствуют формированию стереотипов и предубеждений. Этот способ может привести к дискриминации, сегрегации и усилению конфликтов в обществе, поэтому важно быть осторожным с тем, как передается информация и к каким символам обращаются средства массовой информации. *Например:* «*Төбесі көрінгеннен алдынан құрақ ұшып шықпасаң, қолтығынан сүйемелдеп кіргізбесең,*

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

«Ал, көке» деп отырғызбасаң, айтқанын екі еткізсең, бәлеге қалатының оп-оңай екен» (qalamger.kz/literature/proza/nesipbek-d-utaj-tilalsha/477). «Сонымен бірге Азамат Оразбек сұхбат барысында қазақ эстрадасында әлі күнге дейін "аға-көкелері" арқылы шығатын әншілердің бар екеніне күйінді."Қазіргі таңда қалтаңда ауқымды қаражатың болса немесе тірегің болса, қалталы азамат, «ағаларың» болса ғана өнер жолында өз орныңды таба аласың деген оймен келісемін. Ондай жағдайлармен өзім де кездескемін, ол өте дұрыс емес деп ойлаймын» (oldkaz.kyzylorda-news.kz/news/kogam/28453-yzylordaly-nsh-nerge-ff-kkeler-aryly-keletn-estrada-zhidyzdaryna-kynd.html). «Эстрадада халықтың құлағына кіріп, ойына сана беретін әндер болса екен деймін. Қазіргі таңда "қуғынбай", әні бір жақта, сөзі бір жақта жататын әндер көп. Ондай әндерде мән-мағына болмайды. Сондықтан тек қана халыққа, ән тыңдайтын жастарға ой-өнеге беретін әндер болса екен деймін", - деді әнші жігіт» (oldkaz.kyzylorda-news.kz/news/kogam/28453-yzylordaly-nsh-nerge-ff-kkeler-aryly-keletn-estrada-zhidyzdaryna-kynd.html). В приведённых текстах использованы ярлыки для создания негативного образа или эмоционального отношения. Так, «аға-көкелері» используется в ироничном или негативном контексте, чтобы подчеркнуть, что люди продвигаются не благодаря своим талантам, а через связи с влиятельными людьми, тем самым дискредитируя успешность таких людей. Ярлык «қуғынбай» характеризует современные песни с негативной стороны, подчеркивая в них отсутствие смысла и глубины. Оба примера эмоционально окрашены и содержат критическое отношение к описываемому.

Таким образом, навешивание ярлыков является эффективным инструментом манипуляции, который упрощает сложные явления, вызывая у аудитории предвзятое мнение.

Следует отметить, что нами описаны лишь некоторые способы и средства манипуляции в медиа из существующего арсенала инструментов медиаманипулярования. Нами описан манипулятивный характер некоторых языковых приемов и средств, однако, как отмечалось выше, нами не ставилась задача количественного анализа и предоставления статистических данных, а делался акцент на раскрытие самого феномена медиаманипуляции на конкретных примерах.

Заключение

Изучение языковых средств манипулирования в медиадискурсе является неотъемлемой частью современных лингвистических исследований и приобретает особую актуальность в современном информационном обществе. Проведенные исследовательские работы подчеркивают разнообразие используемых способов и языковых средств манипулирования с целью влияния на общественное мнение. Следует отметить, что в данной статье рассмотрены лишь некоторые из них на новом языковом материале – собранном нами корпусе текстов. Манипуляция осуществляется путем отбора специальных способов и языковых средств для описания сложных ситуаций, которые вызывают сильные эмоциональные реакции. Сосредоточение внимания на отчаянии, страхе и тревоге подчеркивает важность проблем, акцентируя на них внимание читателя, уделяя особое внимание социальным и моральным проблемам.

Данная статья финансировалась Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19679821 «Разработка методики распознавания медиаманипулирования и продвижения медиаграмотности в условиях информационного пространства Казахстана»).

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карабаева Л.К., Ереханова Ф.Т., Тасполатов Б.Т. Актуальные проблемы когнитивной лингвистики на современном этапе // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2024. – №1(131). – Б. 135–148. https://doi.org/10.47526/2024-1/2664-0686.12

2. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования, методологические проблемы. Ежегодник, 1987. – С. 398–425.

3. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебн. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

4. Жебелёв С.А. Фукидид и его творение // В кн.: Фукидид. История. Т. 1. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1915. – 403 с.

5. Van Dijk T.A. Disburse and manipulation // Disburse and Soriety. – 2006. – №17 (2). – P. 359–383.

6. Франке Г. Манипулируемый человек. – М.: Психолог, 1964. – С.85-86. – 641 с.

7. Фарбер К. Манипулируемое большинство. – М.: Мысль, 1974. – С. 78. – 360 с.

8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. – 306 с.

9. Grizzle A., Wilson K., Tuazon R., etc. Media and information-literate citizens. Think critically, Click wisely! / UNESCO Training Program on Media and Information Literacy for Teachers and Students / Ed. Russian ed. Murovan T. – UNESCO Institute for Information Technologies in Education, 2022. – 482 p.

10. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

11. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипуляция личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Алгоритм, 2002. – 288 с.

12. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2000. – 864 с.

13. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком. – М.: АСТ, 2006. – 816 с.

14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.

15. Egelhofer J.L., Lecheler S. Fake news as a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda // Annals of the International Communication Association. – 2019. – №43 (2). – P. 112–116.

16. Freelon D., Wells C. Disinformation as political communication // Political Communication. – 2020. – №37. – P. 145–151.

17. Қозыбаев С.Қ. Сандық медианың тренді: мультимедиалық контенттер үшін жаңа мүмкіндіктер. – Алматы: Қазақ университеті, 2024. – 210 с.

18. Шакенова М.Т., Айтмагамбетова М.Б. Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана) // Научный диалог. – 2024. – №13(3). – С. 149–168. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168

19. Куссе Х., Шакенова М.Т. Манипуляция как нетрансакционная перлокуция // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2024. – №194(2). – С. 47–58. https://doi.org/10.26577/EJPh.2024.v194.i2.ph05

20. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное самомоделирование // В кн.: Язык и личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 24–34.

REFERENCES

1. Karabaeva L.K., Erehanova F.T., Taspolatov B.T. Aktualnye problemy kognitivnoi lingvistiki na sovremennom etape [Current problems of cognitive linguistics at the present stage] // Iasaui universitetinin habarshysy. – 2024. – №1(131). – B. 135–148. https://doi.org/10.47526/2024-1/2664-0686.12 [in Russian]
2. Parshin P.B. Lingvisticheskie metody v konceptualnoi rekonstrukcii [Linguistic methods in conceptual reconstruction] // Sistemnye issledovania, metodologicheskie problemy. Ezhegodnik, 1987. – S. 398–425. [in Russian]
3. Cherniavskaia V.E. Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemy rechevogo vozdeistvia: Uchebn. Posobie [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact: Textbook]. – M.: Flinta: Nauka, 2006. – 136 s. [in Russian]

ISSN-p 2306-7365
ISSN-e 2664-0686

4. Zhebeliov C.A. Fukidid i ego tvorenie // V kn.: Fukidid. Istoria. T. 1. [Thucydides and his creation // In: Thucydides. History. T. 1.]. – M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1915. – 403 s. [in Russian]
5. Van Dijk T.A. Disburse and manipulation // Disburse and Soriety. – 2006. – №17 (2). – P. 359–383.
6. Franke G. Manipuliruemyi chelovek [The manipulated man]. – M.: Psiholog, 1964. – 645 s. [in Russian]
7. Farber K. Manipuliruemoe bolshinstvo [The manipulated majority]. – M.: Mysl, 1974. – 360 s. [in Russian]
8. Shiller G. Manipuliatory soznaniem [Mind Manipulators]. – M.: Mysl, 1980. – 306 s. [in Russian]
9. Grizzle A., Wilson K., Tuazon R., etc. Media and information-literate citizens. Think critically, Click wisely! / UNESCO Training Program on Media and Information Literacy for Teachers and Students / Ed. Russian ed. Murovan T. – UNESCO Institute for Information Technologies in Education, 2022. – 482 p.
10. Docenko E.L. Psihologia manipuliacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. – M.: Izdatelstvo MGU, 1997. – 344 s. [in Russian]
11. Grachev G.V., Melnik I.K. Manipuliacia lichnostiu: organizacia, sposoby i tehnologii informacionno-psihologicheskogo vozdeistvia [Personality manipulation: organization, methods and technologies of informational and psychological influence]. – M.: Algoritm, 2002. – 288 s. [in Russian]
12. Kara-Murza S.G. Manipuliacia soznaniem [Manipulation of consciousness]. – M.: Eksmo, 2000. – 864 s. [in Russian]
13. Sheinov V.P. Skrytoe upravlenie chelovekom [Hidden human control]. – M.: AST, 2006. – 816 s. [in Russian]
14. Karasik V.I. Iazykovoi krug: lichnost, koncepty, diskurs: monografia [The language circle: personality, concepts, discourse: monograph]. – M.: Gnozis, 2004. – 389 s. [in Russian]
15. Egelhofer J.L., Lecheler S. Fake news as a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda // Annals of the International Communication Association. – 2019. – №43 (2). – P. 112–116.
16. Freelon D., Wells C. Disinformation as political communication // Political Communication. – 2020. – №37. – P. 145–151.
17. Qozybaev S.Q. Sandyq medianyn trendi: multimedialyq kontentter ushin zhana mumkindikter [Digital media trend: new opportunities for multimedia content]. – Almaty: Qazaq universiteti, 2024. – 210 s. [in Kazakh]
18. Shakenova M.T., Aitmagambetova M.B. Priemy manipuliativnogo vozdeistvia v mediatekstah (na primere russkoiazychnyh SMI Kazahstana) [Techniques of manipulative influence in media texts (using the example of Russian-language media in Kazakhstan)] // Nauchnyi dialog. – 2024. – №13(3). – S. 149–168. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168 [in Russian]
19. Kusse H., Shakenova M. Manipuliacia kak netransakcionnaia perlokucia [Manipulation as a non-transactional perlocation] // Vestnik KazNU. Seria filologicheskaa. – 2024. – №194(2). – S. 47–58. https://doi.org/10.26577/EJPh.2024.v194.i2.ph05 [in Russian]
20. Liapon M.V. Ocenochnaia situacia i slovesnoe samomodelirovanie // V kn.: Iazyk i lichnost [Evaluative situation and verbal self-modeling // In: Language and Personality] / Otv. red. D.N. Shmelev. – M.: Nauka, 1989. – S. 24–34. [in Russian]

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

UDC 81; IRSTI 16.21.37
https://doi.org/10.47526/3107-3085.427

K.S. KENZHIGOZHINA[1], M.T. SHAKENOVA[2]✉, A.T. KALBAYEVA[2]
[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University
[2]M. Auezov South Kazakhstan University
✉*e-mail: maigil1379@mail.ru*

TRACKING PHONOLOGICAL VARIETIES IN THE MODERN KAZAKH LANGUAGE

Abstract. The phonological diversity and dialectal heterogeneity that define contemporary Kazakh speech across various geographical locations are thoroughly examined in this study work. The research fills a major vacuum in modern Kazakh linguistics, where the dynamic changes brought about by contemporary sociolinguistic elements are frequently not captured by classic dialectological descriptions from the mid-20th century. The researchers analyzed the speech patterns of 11 male informants divided into two age groups: 18–25 years and 50–60 years, using a multimodal technique that combines auditory-perceptual analysis with instrumental acoustic measurements via the Praat program. Key cities in Kazakhstan's northern (Pavlodar, Semey, Karaganda, Astana) and southern (Turkestan, Taldykorgan, Kyzylorda, Taraz) regions are represented by these players. In order to objectively record regional phonetic indicators, or «shibboleths», the study's main focus is on the investigation of vowel formants (F1 and F2) and fundamental frequency (F0). The substantial change in labial harmony is one of the study's main conclusions. This phonological characteristic is almost nonexistent in the spontaneous speech of the younger group (18–25 years old), indicating a slow deterioration of classical harmonic oppositions, while it is reasonably constant among the elder generation (50–60 years old). Additionally, compared to their Southern counterparts, Northern speakers - especially those in the older demographic - tend to have higher fundamental frequencies and a more fronted articulation of vowels, according to acoustic evidence.

Keywords: Kazakh language, phonological variability, dialectal differentiation, acoustic analysis, auditory analysis, labial harmony, sociophonetics.

Introduction

This study`s interest in the phonetic variability of the current Kazakh language was not accidental, as problems pertaining to the phonetic aspects of its operation have not received enough attention up to this point. Since dialects are where the language`s phonetic diversity is most clearly displayed, the issue of dialect differentiation is especially pertinent. Since there are currently few studies in Kazakh linguistics that offer a full picture of regional variations in pronunciation, there is an obvious need for a thorough description of the dialectal characteristics of modern Kazakh.

This has guided our effort to detect and characterize dialect-based phonetic variability by examining the phonetic characteristics of the speech of contemporary Kazakh speakers from four areas of Kazakhstan.

The study focuses on speakers of contemporary Kazakh.

The study focuses on the phonetic variety of current Kazakh dialect speakers` speech.

* ***Cite us correctly:***
Kenzhigozhina K.S., Shakenova M.T., Kalbayeva A.T. Tracking Phonological Varieties in the Modern Kazakh Language // Yassawi Journal of Philology. – 2026. – №3 (3). – B. 21-36. https://doi.org/10.47526/3107-3085.427

Date of receipt of the article 18.05.2026 / Date of acceptance 30.09.2026

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

The study's primary goal is to characterize the phonetic variety of contemporary Kazakh speakers from various parts of Kazakhstan.

In order to accomplish this goal, the primary goals are to identify and describe the phonetic characteristics of current Kazakh speakers` speech as well as to describe the steps and procedures of the experiment.

Numerous theoretical and practical elements define the current study`s significance. Concerns about language functionality and variety have become especially significant in the light of the ongoing sociolinguistic transformations occurring in contemporary Kazakhstan. The phonetic variety of contemporary Kazakh speakers` speech in regional terms has not received enough attention, despite the availability of individual works devoted to Kazakh dialectology.

Intense standardization procedures, the impact of the literary norm, population mobility, urbanization, and the growth of linguistic domains are all features of the current stage of Kazakh language development. Regional phonetic characteristics either level off or, on the other hand, take on new manifestations under certain circumstances, necessitating their methodical scientific definition and documentation. There is a significant vacuum in contemporary Kazakh linguistics since there are not enough experimental phonetic research based on the examination of speakers' natural speech from various parts of Kazakhstan.

Furthermore, sociophonetics, dialectology, applied linguistics, teaching Kazakh, the creation of educational and lexicographic materials, automatic speech processing, and the preservation of linguistic heritage all depend on the study of modern Kazakh`s phonological and phonetic variability.

The significance of this study and its contribution to the advancement of contemporary Kazakh linguistics is therefore determined by the necessity of a thorough examination of the phonetic variety of the speech of contemporary Kazakh speakers, taking into consideration geographical factors.

This research focuses on identifying and analyzing the phonetic and linguistic features of the northern and southern dialects of the Kazakh language. Conducted under the auspices of the Department of Language and Linguistic Science at York University (UK), this study offers a comprehensive examination of regional phonological variations.

Research methods and materials

Two complimentary phonetic analysis techniques were used within the current study framework: auditory (perceptual) and acoustic analysis. This allowed for a thorough and multidimensional examination of the sound realization of speech.

In order to pinpoint the particular aspects of vowel and consonant realization as well as the most prominent phonetic qualities of the subject matter, auditory analysis was utilized. Careful listening was part of the process, after which pertinent phonetic phenomena were recorded. The International Phonetic Alphabet (IPA) was used to transcribe the most prominent and typical phonetic segments, guaranteeing the precision and coherence of the data description.

The goal of acoustic analysis was to quantitatively compare and measure the primary acoustic properties of speech. Specifically, the fundamental frequency (F0) and the first two formants (F1 and F2) were measured, which made it feasible to describe vowel articulation and quality objectively and to identify potential regional and individual variances.

It was feasible to examine the characteristics of controlled and natural speech output since the experimental data included audio recordings of both read and spontaneous speech (Tables 1, 2).

Table 1 – Materials received (spontaneous speech)

№	Item	Date received	Region	Audio file length (in s)
1	**2**	**3**	**4**	**5**
1	Voice sample 1	01/07/2024	Turkestan	64
2	Voice sample 2	05/07/2024	Taldykorgan	70

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Continuation of Table 1

1	2	3	4	5
3	Voice sample 3	05/07/2024	Kyzylorda	79
4	Voice sample 4	15/07/2024	Taraz	60
5	Voice sample 5	16/07/2024	Turkestan	79
6	Voice sample 6	22/07/2024	Karaganda	71
7	Voice sample 7	23/07/2024	Pavlodar	54
8	Voice sample 8	23/07/2024	Astana	59
9	Voice sample 9	26/07/2024	Pavlodar	63
10	Voice sample 10	27/07/2024	Aksu	82
11	Voice sample 11	01/08/2024	Semey	56

Table 2 – Materials received (read speech)

№	Item	Date received	Region	Audio file length (in s)
1	**2**	**3**	**4**	**5**
1	Voice sample 1	01/07/2024	Turkestan	40
2	Voice sample 2	05/07/2024	Taldykorgan	35
3	Voice sample 3	05/07/2024	Kyzylorda	34
4	Voice sample 4	15/07/2024	Taraz	35
5	Voice sample 5	16/07/2024	Turkestan	36
6	Voice sample 6	22/07/2024	Karaganda	35
7	Voice sample 7	23/07/2024	Pavlodar	54
8	Voice sample 8	23/07/2024	Astana	60
9	Voice sample 9	26/07/2024	Aksu	36
10	Voice sample 10	27/07/2024	Semey	35
11	Voice sample 11	01/08/2024	Pavlodar	30

Results and discussion

The first dialectological studies of the Kazakh language were conducted in the 1930s and were reactivated only in the post-war period. As a result of dialectological expeditions carried out by the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Kazakhstan under the leadership of S.A. Amanzholov, Zh.D. Doskaraev, and N.T. Sauranbaev, rich empirical material was collected from southern, some western, and north-eastern regions. The main objective of the field studies of that period was the documentation of Kazakh dialects, followed by their classification and determination of their genesis. Based on these investigations, S.A. Amanzholov identified three territorial dialects: southern, western, and north-eastern. This classification was based on tribal affiliation corresponding to the ethnic composition of the three Kazakh zhuzes [1, p.99].

Later, Zh.D. Doskaraev and N.T. Sauranbaev proposed two major groups of dialects: south-eastern and north-western [2, pp.87–88], [3, p.49]. In contrast to S.A. Amanzholov, these scholars argued that permanent integrational processes (the mixing and merging of different tribes and clans, the formation of a unified nation, and the further development of this nation under conditions of nomadic pastoralism) led to the mixed settlement of representatives of the three main tribal groups. This, in turn, resulted in the assimilation of earlier tribal dialects. Based on collected dialectological data, they adopted a territorial rather than a tribal principle of classification. N.T. Sauranbaev explained dialectal variation in terms of the socio-economic and socio-cultural life of the Kazakh population of that period. According to the scholar, contact with neighbouring ethnic groups also played an important role in the emergence of dialectal differences [3, pp. 46–47].

The systematization of scholarly research on Kazakh dialects makes it possible to identify several main directions in which this issue has been developed. While S.A. Amanzholov [1, p.99],

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

N.T. Sauranbaev [3, p.49], and Zh.D. Doskaraev [2, pp.87–88] argue for the existence of dialectal divisions in Kazakh, G.G. Musabaev and G.D. Sanzeev maintain that Kazakh does not have dialects proper, but rather dialectal phenomena, which they interpret as deviations from standard speech and classify as forms of colloquial usage.

According to G.G. Musabaev, existing dialectal features in Kazakh cannot be considered true dialects, as they are residual and fossilized in nature. Zh.D. Doskaraev expresses a similar view, suggesting that dialectal phenomena emerged due to contact with related languages and have been preserved in Kazakh as archaic elements [2, p.85].

In the 1990s, researchers of Kazakh dialectology argued that, despite the presence of territorially conditioned phonetic, lexical, and limited grammatical variations, the Kazakh language remains monolithic and unified. These scattered variations do not impede mutual intelligibility and do not constitute separate languages spoken in different regions [4, p.7].

Subsequent dialectological research in Kazakhstan was conducted with significant time gaps by both Kazakh and Russian scholars. According to field studies carried out by Yu.V. Normanskaya and U. Issabekova in 2014, audio dictionaries of modern dialects of Zhambyl, Kyzylorda, Taldykorgan, Aksu, and Semey have been compiled [5, pp.177–214], as well as dialects of Uralsk, Astana, and Pavlodar [6, pp.138–152]. These audio materials are available at http://lingvodoc.ispras.ru. The results of research on Kazakh dialects are also reflected in the works of Yu.V. Normanskaya and N.G. Shaimerdenova [5]. A distinctive feature of these field studies is the analysis of the vowel system in translations of early Cyrillic texts into Kazakh, compared with modern dialects. The findings indicate that over the past century, significant changes have occurred in the vowel system, as evidenced by discrepancies between early translations and contemporary eastern, Zhambyl, and Kyzylorda dialects.

The speech features representing territorially specific but non-systematic fragments do not prevent mutual understanding among speakers of different regions; therefore, it is not appropriate to refer to them as dialects in a strict sense.

Moreover, such territorial variations within modern Kazakh do not constitute systematic oppositions with the standard language and are mostly limited to partial, relatively stable, and typical differences bordering on colloquial speech, preserved in the everyday spoken language of certain social groups (age, education). Today, due to the widespread use of the internet, social media, and mass media, a spontaneous process of leveling local varieties and their gradual erosion can be observed, alongside a tendency toward the stabilization of the norms of the standard literary language.

Existing scholarly works devoted to the phonetic features of Kazakh speakers, including those by S.A. Amanzholov, Zh.D. Doskaraev, N.T. Sauranbaev, Sh. Sh. Sarybaev, S.K. Kenesbaev, and Zh.A. Aralbaev, mainly belong to the mid-20th century. Based on Amanzholov's classification of south-eastern and north-western groups, Zh.D. Doskaraev and N.T. Sauranbaev identified phonetic correspondences such as alternations [o]–[ü], [d]–[m], [ch]–[sh], [m]–[l], as well as elision and reduction phenomena characteristic of certain dialects.

Academician S.K. Kenesbaev, while analyzing the phonological system of standard Kazakh, also addressed certain phonetic phenomena typical of specific dialects [7, pp. 56-57]. Of particular interest is Sh.Sh. Sarybaev`s work «On the unstable position of the sonorant [l] in Kazakh dialects», in which he distinguishes two lexical groups: loanwords and native Kazakh words [8, pp.130-132].

Sh.Sh. Aralbaev, in turn, classifies phonetic processes according to their territorial distribution into two groups: those widespread over a large area and those restricted to smaller regions. For example, the first group includes alternations such as [zh]–[j], [sh]–[ch], [d]–[l], while the second includes [s]–[sh], [z]–[zh], [zh]–[y], etc [9, p.93].

These studies represent an important stage in the historical development of Kazakh dialectology and in establishing principles of phonetic correspondences and divergences within the unified Kazakh language.

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Research on the phonological system of modern Kazakh has increasingly attracted scholarly attention in recent decades, due to the intensive transformation of its sound system under both external language contact and internal processes of standardization. The contemporary linguistic situation is characterized by a high degree of variability caused by bilingualism, alphabet reforms, migration processes, and generational differences among speakers.

The quantity and status of vowel phonemes is one of the most contentious topics in Kazakh phonology. Eight vowel phonemes are identified by traditional descriptions that have their roots in classical Turkological investigations. There is no agreement, though, since many linguists suggest models with eight to eleven vowel phonemes [10], [11], [12], [13].

According to recent acoustic-phonetic research (A.McCollum et al.), there may be more phonological units or diphthong-like sequences, including /i̯e/, /ʏː/, /ɔː/, whose status fluctuates based on sociolinguistic variables and speech register. The reinterpretation of the high-mid vowel opposition receives special emphasis. A.McCollum and Washington claim that in modern spoken Kazakh, this distinction is increasingly realized through vowel length rather than height. According to experimental evidence, high vowels have a steady duration ratio of around 2.1:1, whereas mid vowels have traditionally tended to lengthen [13; 14].

The primary phonological process of Kazakh is typically thought to be vowel harmony. Recent research, however, shows that it is gradually changing. Specifically, McCollum's approach characterises labial harmony - which was previously defined as categorical - as a gradient process. It diminishes considerably at morpheme borders, particularly in affixes, but stays mostly stable inside roots.

Additionally, a hierarchy of harmony triggers has been found: long back vowels (/ɔː/) seldom initiate harmonic processes, while front rounded vowels (/ʏ, ʏː/) and the short back vowel (/ɔ/). These results suggest a weakening of traditional harmonic oppositions and a rearrangement of phonological traits.

There have also been modifications to Kazakh's consonant system. Under the influence of Arabic and Russian, borrowed phonemes like [f], [v], and [h] are gradually making their way into modern speech in addition to a conventional set of about 20 contrastive consonants. According to studies, native articulatory equivalents like [p], [w], and [q] frequently adapt and replace these sounds.

Regional phonetic indicators that serve as linguistic «shibboleths» are particularly intriguing. Post-alveolar fricatives can be realised as affricates in certain dialects by substituting [ch] for [sh]. This phenomena is particularly prevalent in the spoken language of Kazakhs in China, Mongolia, and Eastern Kazakhstan, according to S.Zj.Tazhibayeva and other academics, underscoring the significance of regional and cross-border influences in phonological variation [15, pp.89-90].

Depending on the circumstances of linguistic interaction, Kazakh`s phonological structure changes considerably. Research on Chinese repatriate (kandas) speech reveals the persistence of antiquated elements, such as the usage of the traditional Ahmet Baitursynov alphabet (töte žazuw). As a sign of a conservative phonological system, their speech displays prothesis, which is the insertion of a vowel before the first /r/ or /l/ (e.g., ыразы instead of риза).

At the same time, non-native phonetic traits, such as palatalisation of consonants, are emerging in Kazakhstani young people' speech due to the impact of Russian. R.A. Pisati and C. Meluzzi claim that depalatalization processes are also seen, suggesting the fragility of phonological differences and the intricate interplay between internal and contact-induced variables [16, p.90].

As a result, the examination of recent literature reveals that the Kazakh language`s phonological system is dynamically changing. The real language usage, which is marked by variability, gradient phonological processes, and spatially conditioned distinctions, is increasingly not reflected by traditional descriptions. This establishes the scientific significance of the current

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

work by requiring rigorous experimental investigation on the speech of various geographic and generational groups.

The literature study concludes that there is a considerable degree of phonological variety in modern Kazakh, which is brought about by both external impact from donor languages and internal growth, particularly the weakening of vowel harmony. Researchers stress that the distribution of phonological variations is significantly influenced by age and geographic variables. However, because of prolonged exposure to Russian, repatriates` s speech frequently retains phonetic characteristics that have been largely lost in Kazakhstan`s standard variation.

An experimental research of Kazakh speech across various age and geographic groups was carried out to confirm and improve the theoretical presumptions found in the literature review. The experiment's objectives were to find characteristics of phonological variance in modern Kazakh speech and investigate how age and geography affect phonological processes.

The selection of informants from various age and geographic categories received particular consideration in this study. This method makes it possible to examine present patterns in phonological variance in Kazakh speech in more detail.

The research shows that the phonological system of Kazakhstan is undergoing dynamic transformation. Current language practices, which are marked by variety and regional variances, are frequently not reflected in traditional descriptions. In order to record these contemporary tendencies, comprehensive experimental study involving speakers from many generations and geographical areas is required.

Eleven individuals (n=11) were chosen as informants: six men between the ages of 18 and 25 and five males between the ages of 50 and 60.

Three informants between the ages of 18 and 25 and two informants between the ages of 50 and 60 from the southern region (Taldykorgan, Taraz, Kyzylorda, Turkestan cities) and three informants between the ages of 18 and 25 and three from the northern region (Pavlodar, Semey, Karaganda, Astana cities).

The following factors were taken into account when choosing informants for the experiment: the informants must be free of speech disfluencies; they must be born and currently reside in either the northern or southern regions of Kazakhstan; and they must speak Kazakh as their primary language.

Four listeners – two females and two males – were enlisted for the perceptional analysis of spontaneous speech. In order to achieve a more balanced perception and interpretation of dialectal and phonetic variance in the speech data, listeners from various regional backgrounds were included.

The listeners were distributed as follows:

1. Two listeners from Kazakhstan northern areas Pavlodar and Semey
2. Two listeners from Kazakhstan southern regions Almaty and Kyzylorda.

During the auditory analysis, the listeners were given a number of tasks. They were first asked to identify dialectal features of the audio recordings. Secondly, they recognized the linguistic and phonetic elements in the informants` speech, focusing especially on regional speech traits and pronunciation patterns.

To ensure the reliability and validity of the experimental research, ethical considerations were given special attention throughout the inquiry. Before the research began, all participants were informed of the objectives and purpose of the data collection process. The informants were assured that the audio recordings would only be used for scientific and research purposes. Participants were also informed that all collected data would be kept private and that no personal information would be disclosed in a way that would violate their rights or interests.

The participants were also made aware that the researchers were more interested in the phonetic features of their speech than in the substance of their answers in order to lessen any potential anxiety or discomfort throughout the recording procedure. These actions helped to get

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

more genuine examples of spontaneous speech and helped to create a more natural communication environment.

The technical features of the experiment must be described once the ethical procedures and participant engagement have been outlined. The hardware and software used to gather and analyses the speech data are shown in the following table 3:

Table 3 – Equipment list

Software	Hardware
Praat (Version 6.2.23 (May 23d 2023))	HP LAPTOP-A66JGBS6 running Windows 11
ZOOM platform (https://zoom.us/)	Android/Apple smartphones
Recording apps (e.g.Voice Recorder, easy Voice Recorder, etc.)	Hoco W35 wireless headphones

Both read and spontaneous speech recordings were used in the experimental study. By comparing controlled pronunciation with more spontaneous speech output, these two formats allowed for the identification of phonetic variation under various speech situations.

The respondents were required to read aloud eleven Kazakh phrases as part of the read speech assignment. Several communicative sentence forms, including declarative, interrogative, and exclamatory phrases, were included in the stimulus material:

1.Мен Өскеменде он жыл тұрдым.	1.Men Öskemende on jyl tūrdym.
2.Дүкенде мен ешкімнен көмек сұрамаймын.	2.Dükende men eşkımnen kömek sūramaimyn.
3.Мешітке автобуспен бару керек пе?	3.Meşıtke avtobuspen baru kerek pe?
4.Мен оған телефон арқылы шалдым.	4.Men oğan telefon arqyly şaldym.
5.Үлкен келінді сол жерден алдық.	5.Ülken kelındı sol jerden aldyq.
6.Шығыстың табиғаты әдемі!	6.Şyğystyñ tabiğaty ädemı!
7.Кешке таман шығарады.	7.Keşke taman şyğarady.
8.Малға шөп беріп жайлап келдім.	8.Malğa şöp berıp jailap keldım.
9.Қазақ тілінен үйге қандай тапсырма берілгенін айтып жібересің бе?	9.Qazaq tılınen üige qandai tapsyrma berılgenın aityp jıberesıñ be?
10.Көктем келіп, күннің жылынғаны қандай тамаша!	10.Köktem kelıp, künnıñ jylynğany qandai tamaşa!
11.Дәмі тәтті етіп жасалған кәмпит.	11.Dämı tättı etıp jasalğan kämpit.

The goal of this variation was to produce various phonetic and intonational contexts for speech feature analysis.

By using relatively controlled speech data from the read speech task, we were able to analyses how each participant spoke particular phonetic units in the same language settings. However, an extra stage of spontaneous speech recording was included to the experiment since read speech might not accurately represent real pronunciation patterns.

Each informant was asked to describe two images in order to get samples of spontaneous speech. By encouraging participants to speak in a less controlled and more natural manner, this activity allowed for the observation of phonetic and intonational characteristics that arise in normal conversation.

A maximum of one minute was assigned for each participant to describe the images. While still providing enough spontaneous speech information for auditory and phonetic analysis, the time constraint assisted in maintaining comparatively similar recording circumstances for all informants.

The general structure of the experimental investigation must be described after outlining the methods for gathering read and spontaneous speech. There were two primary phases of the experiment, each intended to meet particular scientific goals.

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Informants participated in the experiment's initial phase, which was centered on gathering speech data via recordings of both read and spontaneous speech. All participants were given comprehensive instructions on the activities they were expected to do prior to the start of the trial. At this point, informants also completed questionnaires that included pertinent background data.

To guarantee uniform recording circumstances and reduce outside influence, the experiment was carried out one-on-one with each participant. Each audio file was given a number when the tasks were finished, and it was then moved to a computer for additional processing and analysis.

The quality of the recordings was given particular consideration. To minimize background noise and enhance the audio material's quality, the speech data were captured in a calm environment with little echo and reverberation. Participants utilized their smartphone audio recording feature during the experiment. To guarantee enough audio quality for ensuing phonetic analysis, the recording quality was standardized at 44.1 kHz with a 16-bit quantization rate.

After being recorded in WAV format, all audio recordings were forwarded to the researchers for processing. Participants completed the recordings under the researcher`s supervision via the Zoom platform in order to guarantee proper task completion and consistent experimental settings. Instead than serving as the primary recording platform in this situation, Zoom served mostly as a monitoring and supervisory tool.

Recruiting listeners for a remote auditory analysis was the second step. After listening to the audio recordings, the listeners had a week to fill out an option-based questionnaire.

The study moved on to the acoustic analysis phase after the auditory analysis was finished. The objective assessment of phonetic characteristics in the gathered voice data was the main emphasis of this last stage. Specifically, formant frequencies and other acoustic characteristics were examined to provide quantitative proof of the auditory observations.

Vowel quality and geographical diversity in pronunciation were investigated using F1, F2, and F0 (frequency range) measures, which form the basis of the acoustic results. These measures supplement the listeners` perceptual assessments from the earlier phase of the experiment and offer a thorough audio depiction of speech variations among informants.

Praat signal processing software (Version 6.2.23, May 23, 2023), which is often used in phonetic research for the extraction and visualization of speech characteristics, was utilized to do the acoustic analysis.

F1&F2 measurements

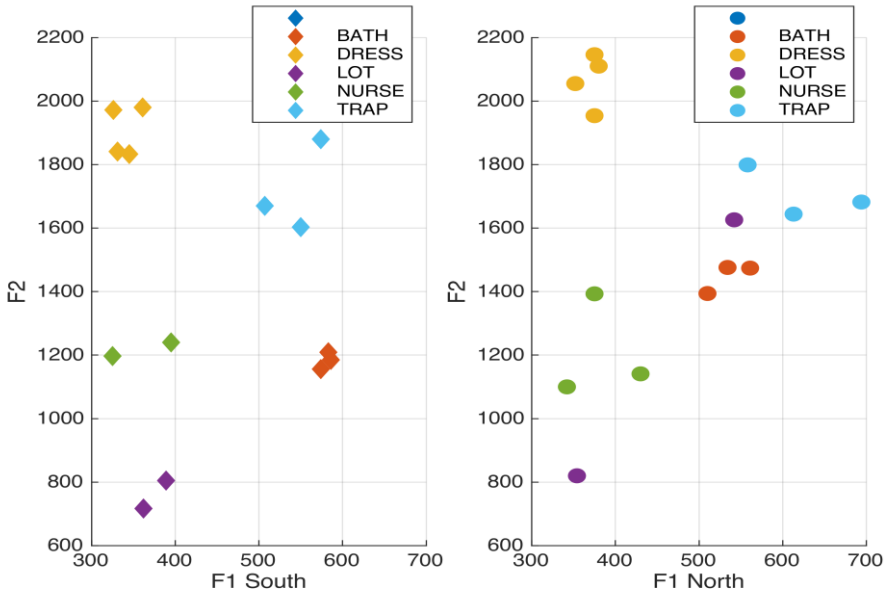


Figure 1 – Acoustic analysis of F1 and F2 measurements for southern and northern speakers (Age 18-25)

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

The above graph displays the F1 (first formant) and F2 (second formant) measurements for various vowel sounds made by speakers between the ages of 18 and 25 from the North (MN) and the South (MS). Different symbols and colors that correlate to lexical sets like BATH, TRAP, NURSE, DRESS, and LOT are used to symbolize each vowel sound (Figure 1).

Compared to Southern speakers, Northern speakers typically generate certain vowels with somewhat higher F2 values, indicating a more forward articulation. Subtle variations in speech patterns that contribute to unique regional accents are reflected in this regional variance.

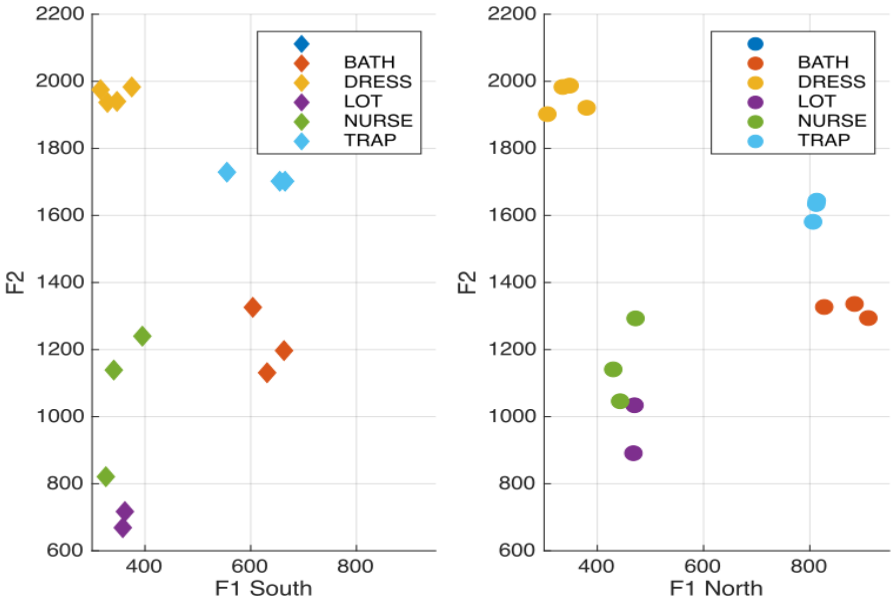


Figure 2 – Acoustic analysis of F1 and F2 measurements for southern and northern speakers (Age 50-60)

The above graphic, which covers speakers between the ages of 50 and 60, contrasts the first (F1) and second (F2) formant frequencies for a variety of vowel sounds as uttered by people from different locations (South vs. North). The plot, which focuses on the lexical sets BATH, TRAP, NURSE, DRESS, and LOT, sheds light on regional vowel variation (Figure 2).

The regional vowel differences between Southern (MS) and Northern (MN) speakers aged 50–60 are highlighted by the acoustic analysis based on the F1 and F2 measures. Northern vowels are more backward and vary in height, whereas Southern vowels are typically more fronted and somewhat higher.

Frequency range for aged 18-25

The frequency ranges of vowel formants in spontaneous speech for speakers from the north and south, ages 18 to 25, are shown in the table below (Table 4). These findings make it possible to compare regional variations in acoustic characteristics, with a particular emphasis on the distinctions between the northern and southern forms of Kazakh speech.

Table 4 – Frequency ranges for the voices of southern and northern speakers (18-25 age) in spontaneous speech

Voice	Frequency range (Hz)
South	
Voice 1	124
Voice 2	122
Voice 3	143

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Continuation of Table 4

North	
Voice 1	137
Voice 2	142
Voice 3	101

Southern speakers in this age range have moderate diversity in their fundamental frequencies. The frequencies of Voice 1 and Voice 2 are quite comparable, at 124 Hz and 122 Hz, respectively, indicating that the two speakers` pitches are identical. In contrast to the other two voices, frequency of Voice 3 is substantially higher at 143 Hz, suggesting a higher pitch.

The fundamental frequencies vary more noticeably for speakers from the north. A clustering of higher-pitched voices is indicated by the comparatively high frequencies of Voice 1 and Voice 2, which are near in value at 137 Hz and 142 Hz, respectively. But compared to the other two voices, Voice 3 has a much lower frequency (101 Hz), indicating a far lower pitch.

There is more variation in pitch among the northern speakers, as seen by their wider frequency range. There appears to be less pitch variation among the southern speakers due to their limited range.

Average Frequency:

The average fundamental frequency for southern speakers can be calculated as:

$$\text{Average F0 (South)} = \frac{124+122+143}{3} = 129.67\text{Hz}$$

The average fundamental frequency for northern speakers can be calculated as:

$$\text{Average F0 (North)} = \frac{137+142+101}{3} = 126.67\text{Hz}$$

The average frequencies are relatively similar, with the average F0 of southern speakers being slightly higher (129.67 Hz) than that of northern speakers (126.67 Hz). This indicates that while the southern group leans somewhat higher, both groups have generally identical pitch levels.

Southern speakers often had a smaller pitch range and a somewhat higher average frequency than their northern counterparts, according to an examination of fundamental frequencies among younger speakers. Northern speakers have a wider range of fundamental frequencies, suggesting more pitch variation among this group, but having a somewhat lower average frequency.

Frequency range for aged 50-60

The average fundamental frequency for each recording was measured. The measures of these are shown in the Table 5:

Table 5 – Frequency ranges for the voices of southern speakers (50-60 age) in spontaneous speech

Frequency range (Hz)	Voice
South	
Voice 1	135
Voice 2	88
North	
Voice 1	151
Voice 2	110
Voice 3	148

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Southern speakers` fundamental frequencies show a rather broad range. The frequency of Voice 1 is 135 Hz, which is somewhat higher than the frequency of Voice 2, which is 88 Hz. Pitch diversity among southern speakers is suggested by the 47 Hz difference, with Voice 1 exhibiting a higher pitch than Voice 2.

The three voices of the northern speakers exhibit a wider variety of basic frequencies. At 151 Hz, Voice 1 has the highest frequency, closely followed by Voice 3 at 148 Hz. The frequency of Voice 2 is much lower than that of the other two voices, at 110 Hz. This implies that although higher frequencies (Voice 1 and Voice 3) show some consistency, Voice 2 also shows a noticeable decline, suggesting variation within this group.

These results imply that younger informants` regional variations in pitch are less noticeable than those of older adults, with both the southern and northern groups showing comparable average frequencies but varying degrees of pitch variability.

Southern speakers` fundamental frequencies vary from 88 Hz to 135 Hz, which is 47 Hz. The frequencies for northern speakers cover 41 Hz, from 110 Hz to 151 Hz.

The northern speakers exhibit a wider overall range of frequencies, despite the fact that the range of frequencies is roughly similar (47 Hz for the southern group and 41 Hz for the northern group). The minimum and maximum frequencies of the voices of northern speakers are higher than those of southern speakers.

Average Frequency

The average fundamental frequency for southern speakers can be calculated as:

$$\text{Average F0 (South)} = \frac{135+88}{2} = 111.5\text{Hz}$$

The average fundamental frequency for northern speakers can be calculated as:

$$\text{Average F0 (North)} = \frac{151+110+148}{3} = 136.3\text{Hz}$$

This indicates that speakers in the north typically have a higher fundamental frequency (136.3 Hz) than those in the south (111.5 Hz). This may suggest that older persons' pitch patterns vary by area.

According to the data, speakers from the north typically have higher fundamental frequencies than those from the south. Furthermore, the northern group exhibits a wider variety of frequencies, particularly when the third voice is taken into account. These results point to possible geographical variations in older individuals` speech patterns, with northern speakers perhaps having a propensity for higher pitch in spontaneous speaking.

Results of auditory analysis

The following prominent phonetic characteristics have been found by auditory analysis: 1. Compared to speakers aged 50–60, informants from the northern and southern areas aged 18–25 do not exhibit instances of labial harmony in their speech. In spoken Kazakh, the phoneme [e] in the second syllable of several nouns is pronounced as [ø]. The vowel phoneme [e] transforms to [ø] or [ɣ] in the following syllable if the first syllable contains the vowels [ø] and [ɣ]. These phonetic modifications are typically connected to labial harmony (labial harmony, labial attraction) in the Kazakh language. In two-syllable words, labial harmony of vowels is evident and becomes weaker by the third syllable. For instance, the following words exhibit labial harmony of vowels: *өлөң* /øløn/ *өлең* /ølen/ *(song),* дүкенде /dykende/– дөкөндө /dykyndy/ (in the supermarket), сүретте /syrete/-сөрөтө /syryty/.

2. In the speech of southern and northern speakers of both age groups, the phoneme [ʒ] is pronounced as [d͡ʑ] in some cases. For example: жыл [d͡ʑəl/ /, жер /[d͡ʑer/.

3. The results of auditory observations showed a divergence in the sound forms [ʃ] and [t͡ʃ] in the speech of an informant from Taldykorgan. For example: ойыншық /ojnʃəq/ -ойынчық /ojnt͡ʃəq/.

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

The sound [t͡ʃ] occurs after the nasal [n], for example, *қиыншылық* /qjnʃələq/<*киынчылық* /qjnt͡ʃələq/.

S. Omarbekov suggests that the sound [t͡ʃ] is most commonly found in the dialects of the East Kazakhstan, Almaty, and Zhambyl regions [17, pp.48-58].

4. The presence of [ʃ], [ʒ], [j] in a syllable with the phoneme [ɑ] makes it sound like [æ] (e.g., шай /ʃæi/ (tea) - жай /ʒæi/ (just)). In other words, the phoneme [ɑ] is palatalized in the position between [j] and [ʒ]. However, the phoneme [ɑ] does not undergo palatalization when combined with [ʒ] in the speech of young informants. For example: жайлап /ʒɑjlɑp/.

Non-phonetic features for both groups

1. Univerbation appears in the form of contracted compound verbs. The characteristic of univerbation is manifested in the following: dropping of the gerund ending -(ı,ə) p and the replacement of the phoneme [ʒ] at the beginning of the auxiliary verb with the phoneme [b] or [v]. As a result, two words merge into one. For example:ойнап жатыр /ojnɑp ʒɑtər/ – ойнаватыр / ojnɑvɑtər/, ұйықтап жатыр /ʊjqtɑp ʒɑtər/ – ұйықтаватыр / ʊjqtɑvɑtər/.

2. Code-switching is characteristic of informants from the northern and southern regions, where Kazakh endings are added to Russian words. For example: стена-лар-да /stena-lɑr-dɑ/ (on the wall), комната-да /komnɑtɑ-dɑ/ (in the room).

Auditory analysis by listeners

1. Dropping a letter in the middle of a word: this was observed by the listeners. 2. Univerbation: Univerbation suggests a propensity for speech resource economy. 3. Shibboleths of southern and western regional accents: the listeners thought that some speech

Samples that were characteristic of the southern dialect belonged to the western dialect. This suggests that these dialects are similar, making it challenging for non-specialists to tell them apart.

4. Pronunciation of the phoneme [n]: it was observed that in certain instances, the sound [n] was pronounced as [ŋ]. The speaker's place of origin may be indicated by this phonetic characteristic.

5. Assigning a speaker from the Karaganda region to the southern dialect: although the Karaganda region is not physically located in the south, listeners categorized speakers from this region as belonging to the southern dialect. This would suggest that the southern dialect and the linguistic characteristics of the Karaganda region are comparable.

6. Labial harmony

7. Substitution of the phoneme [ʃ] with [t͡ʃ].

8. Substitution of the phoneme [ʃ] with [ç]: The listeners also noted the substitution of the phoneme [ʃ] with [ç], as evidenced in the pronunciation of words such as ‘үш’ /ʏʃ/ - ‘үщ’ /ʏç/ (three) and ‘кешкі’ /keʃkı/ - ‘кещкі’ /keçkı/ (evening).

Non-phonetic features

1. Lexical features as the main focus of the auditors: In the course of the speech analysis, the listeners paid more attention to lexical or grammatical features than to phonetic ones. For example, auditors noted that words such as ‘әйел’ - /æjjel/ (wife) and ‘күйеу’ - /kyjœw/ (husband) are more commonly used in northern Kazakhstan, while their synonyms ‘жұбайы’ /ʒʊbɑjə/ (spouse) and ‘зайыбы’ /zɑjəbə/ (spouse) are used in the south.

2. Code-switching as a sign of a northern regional accent: Speakers from Kazakhstan`s northern areas were known for code-switching, particularly the usage of Russian interjections. This occurrence shows that the Russian language has a significant effect in these regions and is a useful signal for auditors to ascertain the speakers' geographical origin.

Limitations:

1. Lexical sets: During the analysis of vowels, a question arose regarding the development of lexical sets for the Kazakh language. Since the Kazakh language includes vowels in word roots that are not typical for English (such as ы, і, ү, ұ), the lexical sets developed by J. Wells are not suitable for the Kazakh language [18, pp. 20-22].

2. Listeners: Rather than phonetic elements, listeners in this study concentrated more on the lexical or grammatical parts of the informants' speech. There were some technical issues because the recordings were done remotely. Some informants, in particular, had bad internet connections.

3. Data collection: Material must be gathered in rural regions for next research. Rural areas frequently have distinctive dialects and accents that may be different from metropolitan ones. Learning about various dialects contributes to the preservation of linguistic variety that may be lost as a result of urbanization.

4. Data collection method: Interviews offer the chance to collect dialects and accents in their natural settings, which aids in understanding how accents are employed in everyday speech and how they may vary according on the topic of discussion, the conversation partner, or the circumstance.

Conclusion

The study concludes that there is considerable phonological variation in contemporary Kazakh speech, which is influenced by both generational and geographical factors. According to acoustic analysis, Northern speakers, especially those in the older age group, often have higher fundamental frequencies and more forward vowel articulation than Southern speakers. The decline of labial harmony, which is almost nonexistent in the speech of informants between the ages of 18 and 25 but **is** evident in the speech of those between the ages of 50 and 60, is a significant finding. Additionally, social processes such as univerbation and code-switching, particularly in the North, demonstrate the dynamic nature of the language in contemporary society. These findings emphasize the need for further research in rural regions to preserve linguistic variation before standardization eliminates regional differences entirely

BIBLIOGRAPHY

1. Аманжолов С.А. О диалектах казахского языка // Вопросы языкознания. – 1953. – №6. – С. 88-101.
2. Доскараев Ж.Д. Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка // Вопросы языкознания. – 1954. – №2. – С. 81-92.
3. Сауранбаев Н.Т. Диалекты в современном казахском языке // Вопросы языкознания. – 1955. – №5. – С. 44-51.
4. Омарбеков С. География фонетических различий казахской речи (сравнительный аспект системы согласных). – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 224 с.
5. Норманская Ю.В., Шаймерденова Н.Г. Гласные первого слога в казахских говорах (новые и архивные материалы) // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XI: Материалы Дмитриевских чтений. – 2016. – С. 177-214.
6. Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-Алтайские исследования. – 2016. – №4(23). – С. 138-152.
7. Кеңесбаев І. Қазақ тіл білімінің мәселері-Вопросы казахского языкознания. – Алматы: Арыс, 2008. – 608 б.
8. Сарыбаев Ш. Қазақ тіл білімі мәселелері-Вопросы казахского языкознания. – Алматы: Арыс, 2000. – 624 с.
9. Аралбаев Ж.А. Қазақ фонетикасы бойынша этюдтер. – Алматы: Ғылым, 1988. – 144 б.
10. Джунисбеков А. Гласные казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). – Алма-Ата: Наука, 1972. – 92 с.
11. Kirchner M. Kazakh and Karakalpak // In: Johanson & Csató (eds.), The Turkic Languages. – London: Routledge, 1998. – P. 318–332.
12. Vajda E.J. Kazakh Phonology // In: Kaplan E. et al. (eds.) Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz. – Bellingham, WA, 1994. – P. 603–650.
13. Mccollum A., Chen Si. Illustration of the IPA: Kazakh // Journal of the International Phonetic Association. – 2021. – №51(2). – P. 276-298. https://doi.org/10.1017/S0025100319000185
14. McCollum Adam G. Vowel Dispersion and Kazakh Labial Harmony // Phonology. – 2018. – Vol. 35, №2. – P. 287–326. https://doi.org/10.1017/S0952675718000052

15. Tazhibayeva S., Mutali A., Kadyskyzy A. The Kazakh language across borders: phonetic features in the speech of repatriates from China // Arctic XXI century. – 2025. – P. 87-109. https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-87-109
16. Pisati R.A., Meluzzi C. Russian spoken by Kazakh young adults: a phonetic and phonological analysis // Loquens. – 2025. – №12. – P. 87-93. https://doi.org/10.3989/loquens.2025.e117
17. Омарбеков С., Жүнісов Н. Ауызекі тіліміздің дыбыс жүйесі. – Алматы: Мектеп, 1985. – 206 б.
18. Wells John C. Accents of English 1. An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 277 p.

REFERENCES

1. Amanzholov S.A. O dialektah kazahskogo iazyka [About dialects of the Kazakh language] // Voprosy iazykoznania. – 1953. – №6. – S. 88-101. [in Russian]
2. Doskaraev Zh.D. Nekotorye voprosy dialektologii i istorii kazahskogo iazyka [Some issues of dialectology and history of the Kazakh language] // Voprosy iazykoznania. – 1954. – №2. – S. 81-92. [in Russian]
3. Sauranbaev N.T. Dialekty v sovremennom kazahskom iazyke [Dialects in the modern Kazakh language] // Voprosy iazykoznania. – 1955. –№5. – S. 44-51. [in Russian]
4. Omarbekov S. Geografia foneticheskih razlichi kazahskoi rechi (sravnitelnyi aspekt sistemy soglasnyh) [Geography of phonetic differences in Kazakh speech (comparative aspect of the consonant system)]. – Alma-Ata: Rauan, 1992. – 224 s. [in Russian]
5. Normanskaia Iu.V., Shaimerdenova N.G. Glasnye pervogo sloga v kazahskih govorah (novye i arhivnye materialy) [Vowels of the first syllable in Kazakh dialects (new and archival materials)] // Voprosy tiurkskoi filologii. Vypusk XI: Materialy Dmitrievskih chteni. – 2016. – S. 177-214. [in Russian]
6. Dybo A.V., Normanskaia Iu.V. Pervye kirillicheskie knigi na kazahskom iazyke kak istochniki dlia izuchenia istorii dialektov i sozdania literaturnoi normy [The first Cyrillic books in Kazakh as sources for studying the history of dialects and creating a literary norm] // Uralo-Altaiskie issledovania. – 2016. – №4(23). – S. 138-152. [in Russian]
7. Kenesbaev I. Qazaq til biliminin maseleri-Voprosy kazahskogo iazykoznania [Problems of Kazakh linguistics]. – Almaty: Arys, 2008. – 608 b. [in Kazakh and Russian]
8. Sarybaev Sh. Qazaq til bilimi maseleleri-Voprosy kazahskogo iazykoznania [Problems of Kazakh linguistics]. – Almaty: Arys, 2000. – 624 s. [in Kazakh]
9. Aralbaev Zh.A. Qazaq fonetikasy boiynsha etiudter [Etudes on Kazakh phonetics]. – Almaty: Gylym, 1988. – 144 b. [in Kazakh]
10. Dzhunisbekov A. Glasnye kazahskogo iazyka (eksperimentalno-foneticheskoe issledovanie) [Vowels of the Kazakh language (experimental phonetic study)]. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 92 s. [in Russian]
11. Kirchner M. Kazakh and Karakalpak // In: Johanson & Csató (eds.), The Turkic Languages. – London: Routledge, 1998. – P. 318–332.
12. Vajda E.J. Kazakh Phonology // In: Kaplan E. et al. (eds.) Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz. – Bellingham, WA, 1994. – P. 603–650.
13. Mccollum A., Chen Si. Illustration of the IPA: Kazakh // Journal of the International Phonetic Association. – 2021. – №51(2). – P. 276-298. https://doi.org/10.1017/S0025100319000185
14. McCollum Adam G. Vowel Dispersion and Kazakh Labial Harmony // Phonology. – 2018. – Vol. 35, №2. – P. 287–326. https://doi.org/10.1017/S0952675718000052
15. Tazhibayeva S., Mutali A., Kadyskyzy A. The Kazakh language across borders: phonetic features in the speech of repatriates from Shina // Arctic XXI century. – 2025. – P. 87-109. https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-87-109
16. Pisati R.A., Meluzzi C. Russian spoken by Kazakh young adults: a phonetic and phonological analysis // Loquens. – 2025. – №12. – P. 87-93. https://doi.org/10.3989/loquens.2025.e117
17. Omarbekov S., Zhunisov N. Auyzeki tilimizdin dybys zhuiesi [The sound system of our spoken language]. – Almaty: Mektep, 1985. – 206 b. [in Kazakh]
18. Wells John C. Accents of English 1. An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 277 p.

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Қазіргі қазақ тіліндегі фонологиялық варианттарды қадағалау

Аңдатпа. Бұл ғылыми мақалада қазіргі қазақ тілінің фонологиялық вариативтілігі мен диалектілік сарапануы кешенді түрде зерттеледі. Жұмыстың өзектілігі қазіргі қазақ лингвистикасындағы аймақтық ерекшеліктерді жаңаша пайымдау қажеттілігімен байланысты, өйткені XX ғасырдың ортасындағы классикалық зерттеулер бүгінгі жаһандану мен урбанизация жағдайындағы тілдік өзгерістерді толық қамти алмайды. Зерттеу барысында екі жас ерекшелігі тобына (18–25 және 50–60 жас) бөлінген 11 ер адамның сөйлеу тіліне эксперименттік-фонетикалық талдау жасалды. Информанттар Қазақстанның Солтүстік (Павлодар, Семей, Қарағанды, Астана қалалары) және Оңтүстік (Түркістан, Талдықорған, Қызылорда, Тараз қалалары) өңірлерінің өкілдері болып табылады. Зерттеу әдістемесі аудитивті (перцептивті) және акустикалық талдау тәсілдерін біріктіреді. Praat бағдарламасының көмегімен дауысты дыбыстардың форманттары (F1, F2) мен негізгі жиілігі (F0) өлшенді. Талдау нәтижелері еріндік үндестіктің (лабиалды гармония) трансформацияға ұшырағанын көрсетті: бұл құбылыс ересек буын өкілдерінде сақталғанымен, 18–25 жас аралығындағы жастардың сөйлеу тілінде дерлік кездеспейді. Акустикалық мәліметтер солтүстік өңір сөйлеушілерінің оңтүстіктіктерге қарағанда негізгі дауыс жиілігінің жоғары екенін және кейбір дауысты дыбыстардың анағұрлым алдыңғы қатарда артикуляцияланатынын растады.

Кілт сөздер: қазақ тілі, фонологиялық вариативтілік, диалектілік сарапану, акустикалық талдау, перцептивті талдау, еріндік үндестік, социофонетика.

Отслеживание фонологических вариантов в современном казахском языке

Аннотация. Данная научная статья посвящена комплексному исследованию фонологической вариативности и диалектной дифференциации в современном казахском языке. Актуальность работы обусловлена необходимостью обновления существующих диалектологических данных, большинство из которых базируется на исследованиях середины XX века и не учитывает интенсивные трансформации звуковой системы под влиянием глобализации и урбанизации. В рамках исследования был проведен экспериментально-фонетический анализ речи 11 информантов-мужчин, разделенных на две возрастные группы: молодежь (18–25 лет) и представители старшего поколения (50–60 лет). География исследования охватила ключевые города северного (Павлодар, Семей, Караганда, Астана) и южного (Туркестан, Талдыкорган, Кызылорда, Тараз) регионов Казахстана. Методология исследования сочетает в себе аудитивный (перцептивный) и акустический методы. С помощью специализированного программного обеспечения Praat были измерены такие параметры, как частота основного тона (F0) и формантные характеристики гласных (F1 и F2). Результаты анализа выявили глубокие различия в реализации губной гармонии: если у старшего поколения этот процесс носит системный характер, то в речи молодежи он практически нивелируется, превращаясь в градиентный процесс. Акустические данные подтвердили, что для северного региона характерна более высокая основная частота голоса и более передняя артикуляция определенных гласных по сравнению с южными говорами.

Ключевые слова: казахский язык, фонологическая вариативность, диалектная дифференциация, акустический анализ, перцептивный анализ, губная гармония, социофонетика.

Information about the authors
Kenzhigozhina K.S. – *PhD, Acting Associate Professor of L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: kenzhigozhina.karlygash@gmail.com*, Kazakhstan*, Astana.*
Shakenova M.T. – The Corresponding Author, *Associate Professor of M. Auezov South Kazakhstan Research University, e-mail: maigil1379@mail.ru*, *Kazakhstan, Shymkent.*
Kalbayeva A.T. – *Senior Lecturer, M. Auezov South Kazakhstan Research University, e-mail: kat830106@mail.ru*, *Kazakhstan, Shymkent.*

Сведения об авторах
Кенжигожина К.С. *– PhD, и.о. доцента Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, e-mail: kenzhigozhina.karlygash@gmail.com, Казахстан, г. Астана.*

ISSN-p 3107-3077
ISSN-e 3107-3085

Шакенова М.Т. *– автор-корреспондент, доцент Южно-Казахстанского исследовательского университета имени М. Ауэзова, e-mail: maigul1379@mail.ru, Казахстан, г. Шымкент.*
Калбаева А.Т. *– старший преподаватель, Южно-Казахстанский исследовательский университет имени М. Ауэзова, e-mail: kat830106@mail.ru, Казахстан, г. Шымкент.*

Авторлар туралы мәлімет

Кенжигожина К.С. *– PhD, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің доценті м.а., e-mail: kenzhigozhina.karlygash@gmail.com, Қазақстан, Астана қ.*
Шакенова М.Т. *– корреспондент-автор, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университетінің доценті, e-mail: maigul1379@mail.ru, Қазақстан, Шымкент қ.*
Калбаева А.Т. *– аға оқытушы, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті, e-mail: kat830106@mail.ru, Қазақстан, Шымкент қ.*

М. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ЗЕРТТЕУ УНИВЕРСИТЕТІ

AUEZOV
UNIVERSITY
1943

АЛҒЫС ХАТ

Шакенова Майгуль Тулегеновна

«Орыс тілі мен әдебиеті» кафедрасының доценті, филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

Университеттің цифрлық білім беру кеңістігін дамытуға қосқан үлесі, жаппай ашық онлайн курсты (ЖАОК) әзірлеп, халықаралық Coursera білім беру платформасына орналастырғаны үшін шынайы алғысымызды білдіреміз.

«Медиаграмотность и применение ИИ» атты ЖАОК
2026 жылғы 5 наурыз халықаралық
Coursera платформасына орналастырылды.

Сіздің кәсіби біліміңіз бен шығармашылық еңбегіңіз университеттің халықаралық цифрлық білім беру кеңістігіндегі дамуына елеулі үлес қосады. Алдағы уақытта да жаңа жобалар мен бастамаларда табыс тілейміз!

Басқарма Төрағасы – ректор **М.Ә. Төлеген**

Шымкент, 2026 жыл

Study

https://doi.org/10.61838/ijbmc.v13i11.1737

Check for updates

Bauyrzhan Patshakhanovich Nassirdinov

Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

Nurlybek Kuralbekovich Omarov

omarov.nurlybek@proton.me

Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

Lazzat Kalykulovna Turabayeva

Faculty of Pedagogical Sciences, Shymkent University, Shymkent, Kazakhstan.

Sattar Dosalievich Umirzakov

Abaitanu–Mukhtartanu Scientific Center, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

Zilikha Usmakhanbetovna Miyabekova

Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

Eastern Motifs, Cultural Memory, and Literary Identity in the Works of Nuraly Nysanbayuly: A Historical-Cultural Textual Study

https://doi.org/10.61838/ijbmc.v13i11.1737

Check for updates

Bauyrzhan Patshakhanovich Nassirdinov

Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

omarov.nurlybek@proton.me

Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

Lazzat Kalykulovna Turabayeva

Faculty of Pedagogical Sciences, Shymkent University, Shymkent, Kazakhstan.

Sattar Dosalievich Umirzakov

Abaitanu–Mukhtartanu Scientific Center, M. Auezov

Eastern Motifs, Cultural Memory, and Literary Identity in the Works of Nuraly Nysanbayuly: A Historical-Cultural Textual Study

https://doi.org/10.61838/ijbmc.v13i11.1737

Authors
Bauyrzhan Patshakhanovich Nassirdinov
Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.
Nurlybek Kuralbekovich Omarov
omarov.nurlybek@proton.me
Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.
Lazzat Kalykulovna Turabayeva
Faculty of Pedagogical Sciences, Shymkent University, Shymkent, Kazakhstan.
Sattar Dosalievich Umirzakov
Abaitanu–Mukhtartanu Scientific Center, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.
Zilikha Usmakhanbetovna Miyabekova
Department of Kazakh Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan.

Objective: This study aimed to examine Eastern literary motifs in the works of Nuraly Nysanbayuly (1857–1928), emphasizing their representation of cultural memory, moral values, historical experience, and literary identity.

Methods and Materials: A qualitative historical-cultural textual design was employed, integrating close reading, comparative motif analysis, source criticism, and thematic interpretation. The analytical corpus comprised selected literary works, published passages, and documented transmission accounts associated with Nysanbayuly. Three evidence layers were distinguished: primary literary materials, archival-biographical accounts, and historical-literary scholarship. Analysis involved source identification, passage-level coding, thematic clustering, contextual comparison, and assessment of interpretive boundaries.

Findings: Five recurring themes emerged: Eastern literary intertextuality, Islamic moral discourse, historical memory, literary transmission networks, and cultural identity representation. Persianate, Turkic, and Islamic narrative traditions were adapted within Kazakh poetic forms. Religious-didactic texts emphasized ethical responsibility, knowledge, and criticism of hypocrisy. Historical narratives represented political conflict, imperial domination, and communal suffering through moral frameworks. Mentorship, manuscript circulation, oral performance, and textual revision facilitated literary transmission. Narratives of belonging and continuity contributed to representations of cultural memory without establishing measurable collective psychological characteristics.

Conclusion: Nysanbayuly's literary heritage demonstrates how Eastern narrative traditions were localized through Kazakh cultural, historical, and performative contexts. The findings illuminate literary mechanisms of cultural memory and identity representation while distinguishing textual interpretation from empirical psychological evidence

Логотип Scopus
ПоискИсточникиSciValоткроется новое окно
Как мы можем помочь?
Доступ предоставлен
Создать учетную записьВойти

Сведения об авторе

This author profile is generated by ScopusПодробнее (откроется новое окно)

Smatova, Aliya

- South Kazakhstan University Named after M. O. Auezov, Kazakhstan
- Scopus ID: 60813207300
- Связать с ORCIDСвяжите эту страницу с вашим идентификатором ORCID или создайте идентификатор ORCID (откроется новое окно)

Show all information

- 0

  Citations by **0** documents

- 2

  документы

- 0

  h-индекс

Smatova, Aliya
Настроить оповещение
Подробнее
Документы (2)ВлияниеЦитировал (0)Препринты (0)Co-authors (8)
Темы (0)Выданные гранты (0)Бета

You can view, sort, and filter all of the documents in search results format.

Список результатов, показаны результаты с 1 по 2 из 2 результатов.

- Экспортировать все
- Сохранить все в списокФункция сохранения в список доступна только, если вы вошли в систему и подписались

Сортировать по

- Статья

The Verbalization of Toponymic Concepts in Literary Texts

Omarov, Nurlibek, Smatova, Aliya, Miyatbekova, Ziliha, Medetbekova, Nurgul, Nogayev, Assilbek

International Journal of Society, Culture and LanguageOpen source preview, 2026, 14(2), страницы 346–362

Скрыть реферат

This study investigates the verbalization of toponymic concepts through a case study of six English and Kazakh literary works using textual and linguistic analysis. The corpus comprises 120 toponymic units, including 60 English and 60 Kazakh examples selected from authentic literary contexts. Nine verbalization mechanisms are identified: direct nomination, contextual expansion, epithet/evaluation, metaphorization, personification, repetition, historical contextualization, cultural association, and symbolization. The findings show that toponyms in the selected works function not only as geographical references but also convey contextual, cultural, historical, and symbolic meanings, performing locative, historical-cultural, characterological/social, and symbolic/evaluative functions. In the selected English texts, toponyms frequently reflect social identity, regional belonging, historical context, and urban culture through contextual expansion and social characterization, whereas in the selected Kazakh texts, they show prominent associations with ethnocultural memory, ancestral territory, landscape, spirituality, and national identity through historical contextualization, cultural association, and symbolization. The study contributes to literary onomastics, cognitive linguistics, and linguoculturology by providing a framework for interpreting toponyms as culturally meaningful elements in literary discourse. © 2026 Omarov, Smatova, Miyatbekova, Medetbekova, and Nogayev.

Full text

0

Цитирования

- Статья • *Открытый доступ*

Psycholinguistic and Cognitive Foundations of Kazakh and English Mythotoponyms: A Comparative Linguistic Study

Smatova, Aliya, Tleuberdiev, Bolatbek, Kaldygozova, Sandugash, ... Omarova, Nurlybek, Medetbekova, Nurgul

International Journal of Body, Mind and CultureOpen source preview, 2026, 13(8), e2026-1684